

Лев Колесников

ТАЙНА ТЕМИР-ТЕПЕ

Шпионы. Дело №...

Лев Колесников

Тайна Темир-Тепе

«ВЕЧЕ»

1957

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2)

Колесников Л. П.

Тайна Темир-Тепе / Л. П. Колесников — «ВЕЧЕ»,
1957 — (Шпионы. Дело №...)

ISBN 978-5-4484-5258-1

В двадцатом выпуске серии «Шпионы. Дело №...» современный читатель познакомится с дебютным романом известного советского писателя Льва Колесникова (1923–1986) «Тайна Темир-Тепе» (1957). В основе сюжета – попытки немецкой агентуры в годы Великой Отечественной войны нарушить работу летного училища, эвакуированного в Среднюю Азию. Под ударом подготовка молодых летчиков, каждого из которых уже ждут на фронте. Врагам противостоят не только профессиональные чекисты, но и те самые курсанты, на которых объявлена охота. Противник пытается проникнуть в училище изнутри, воспользоваться неопытностью и доверчивостью молодости. Честность и дружба вступают в схватку с хитростью и подлостью...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-5258-1

© Колесников Л. П., 1957

© ВЕЧЕ, 1957

Содержание

«Автор пошел набираться свежих впечатлений...»	6
Пролог	10
Глава первая	12
Глава вторая	25
Глава третья	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лев Колесников
Тайна Темир-Тепе. Повесть
из жизни авиаторов

Серия «Шпионы. Дело №...»

Текст печатается по изданию:

Колесников Л. Тайна Темир-Тепе (Повесть из жизни авиаторов). М.: Молодая гвардия, 1957.

© Колесников Л.П., наследники, 2025

© Хлебников М.В., составление, предисловие, 2025

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2025

«Автор пошел набираться свежих впечатлений...»

Среди авторов советских шпионских романов много писателей, пришедших в литературу непростыми, извилистыми путями. Сама история страны не предполагала мягкого вхождения в профессию, ультимативно предлагая претендентам ряд непростых, суровых испытаний: Гражданская война, грозные 1930-е годы, фронтовое лихолетье. Но есть среди наших авторов люди, литературная судьба которых определялась практически с рождения. К таким немногим исключениям относится, прежде всего, Лев Колесников.

Будущий писатель родился 18 февраля 1923 года на Дальнем Востоке. Его отец, Петр Николаевич Матвеев, был сыном первого историка Владивостока. Вообще семью Матвеевых можно отнести к «литературообразующим» для отечественной культуры. Назову лишь несколько имен – близких родственников Льва. Это поэт Венедикт Март (Матвеев) – родной дядя Льва и его сын – известный поэт и переводчик Иван Елагин. Безусловно, многие наши читатели знают Новеллу Матвееву – популярную до сих пор поэтессу и барда. Она также принадлежит к семейству дальневосточных Матвеевых. Хотя мать Льва – Александра (Ася) Филипповна Колесникова – достаточно рано рассталась с отцом (брак их официально не был зарегистрирован), Лев хорошо знал о своих «матвеевских корнях». В тридцатые годы Александра, ее новый муж и сын переехали в Среднюю Азию. Там Лев оканчивает среднюю школу, активно занимается спортом, деятельно готовится к тому, что он считал своей главной целью, – вернуться к морю и стать военным моряком. Подаются документы в Севастопольское военноморское училище. Но 22 июня 1941 года все планы были перечеркнуты. Ровно через месяц после начала войны Льву пришла повестка. Ему предстояло учиться. Но не на моряка. Из книги Колесникова «Линия поведения» (1966):

«Я не крикнул: “Разрази меня гром, и клянусь форштевнем субмарины: такому не бывать!” Война обязывает комсомольца быть там, где он нужнее. Я лишь отшатнулся от стола и... увидел море. Море во время отлива. Прощально бормочущие волны отступали к горизонту. Лазурно сверкнула ставшая далекой полоска моей мечты, и обнажилась передо мной ташкентская суша, по которой я побрел к медикам. Они внесли в мое личное дело новую запись: “Годен к летной работе в ВВС”».

Годы войны Колесников проводит в Чугуевской военной авиационной школе. Среди его наставников – будущий ас, трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб. После войны активная натура Колесникова требовала какого-то дополнительного действия. Его летный полк волею случая перебрасывают на Дальний Восток. Он начинает писать. Не размениваясь на пустяки, он садится сразу за роман. Фантастический. Нужно сказать, что решение определилось не только «матвеевской линией». Мать Льва жила вместе с ним. От нее сын узнал, что в молодости она стала первой любовью для соседского мальчика. Спустя много лет выросший, но ничего не забывший влюбленный юноша напишет Асе Колесниковой письмо:

«Если бы вы знали, с какой грустью смотрю я теперь из тридцатилетнего далека на маленького умненького мальчика с большими ушами, как мне его бесконечно жаль... Когда я в 1930-х годах... мысленно перебирал вновь и вновь всю свою жизнь, я тогда впервые понял, что эта четырехлетняя любовь к вам – с отроческих лет до юношеского возмужания – не могла быть случайной. Она означала, что было в вашем внешнем и внутреннем облике что-то, необыкновенно покорявшее меня и, очевидно, очень мне необходимое».

Умненький мальчик с большими ушами вырос и превратился в Александра Фадеева – живого классика советской литературы. Реальный Фадеев отличался от несокрушимых героев своих книг. Несмотря на невероятно высокий статус и признание со стороны современников, автор «Разгрома» и «Молодой гвардии» всю жизнь испытывал сомнение в собственном литературном таланте, писал медленно и мучительно, постоянно переделывая и исправляя вроде

бы уже отредактированные тексты. Именно ему по рекомендации матери отправляет свой первый роман Лев. Сегодня читатель почитает подобный «канал связи» с литературным миром гарантией того, что книгу «протолкнут» и она увидит свет. Но тогда были иные времена, другое отношение к слову. Фадеев жестко раскритиковал литературный дебют Льва Колесникова. Начинающему автору предъявили длинный перечень ошибок: от того, что персонажи «слишком длинно разговаривают» и «одинаковое количество места уделяется и большому событию, и маленькому», до упрека в стремлении к чистой развлекательности. Необходимо учиться писать и переписывать: «Только в результате такой работы образуется у писателя свой, индивидуальный стиль, фраза обретает мускулатуру. У Вас же индивидуального стиля пока нет, фраза разжижена».

Но, как опытный наставник, Фадеев понимает, что нельзя пережимать с критикой, которая может отбить всякое желание продолжить писательскую работу:

«Мечту о литературной работе своей Вы, конечно, не бросайте, данные у Вас к этому есть, и Вы еще молоды... Я всегда смогу обеспечить Вам квалифицированную оценку Вашей работы».

В письме Фадеева к Асе звучат несколько иные нотки, свидетельствующие о некоторых сомнениях в отношении «литературного крестника»:

«Его [Льва] литературные способности несомненны, но у него – при несомненном природном уме и душевной эмоциональности – есть общий недостаток культуры и кругозора... что объясняется не столько недостатком начитанности, сколько длительным пребыванием в глухих углах и однообразием среды, в которой приходится вращаться, как бы она сама по себе ни была своеобразна и симпатична».

Совсем скоро Колесников получает возможность выбраться из «глухих мест». Начинается война в Корее. Ее неофициальными участниками стали советские летчики, вступившие в схватку за небо с американскими пилотами. Перед отправкой на фронт Лев сделал запись в тетради: «Автор пошел набираться свежих впечатлений». Нужно сказать, что впечатлений оказалось достаточно не только для самого Льва. Вот как вспоминает о нескольких боевых эпизодах с участием Колесникова однополчанин будущего писателя Сергей Тюрин:

«“Сейбр” вынырнул из облаков – у них уже тогда были локаторы, а у нас еще не было, – зашел в “хвост” Лева и подбил его. МиГ вспыхнул, и Лева катапультировался. Но знаете, что он успел передать на землю? “Временно прекращаю связь”. Передал, залитый кровью, раненый, падающий в горы, в ущелье. Будто так себе, маленькая неполадочка, потому он временно прекращает. А однажды, мы ведь ходили в бой по очереди, наша эскадрилья проводила тактико-теоретические занятия. Лето, жара, в помещении душно, и мы собрались на лужайке, на краю аэродрома. Вдруг в небе появляются Гриша Берелидзе, ведущий, и Лева, ведомый. А на них насели двенадцать “сейберюг”. Нашим заходить на посадку нельзя: наверняка собьют, и они начали крутить у нас над головами, увертываться. Боеприпасов у них нет, горючка на исходе – после боя возвращались. Американцы же очень охотились за нашими при посадке. Дежурили в небе, в сторонке, выслеживали. И вот Лева мелькнул над нами, опять взмыл, но пока шел вниз, успел рассмотреть нас, понял, ради чего собрались. Занятия-то у нас одинаковые. И вот (мы сами не слышали, нам потом рассказывал руководитель полетов) Лева передает по связи: “Ухожу от огня, значит, так”, и опять – мертвую петлю, хотя и высота небольшая. А колесо необходимо, на дуге трудно упредить, пуля же идет по прямой, и “сейбры” ему “в хвост” норвят зайти, бьют из пушек, из пулеметов, так что около нас зеленая лужайка от разрывов черной землей закудрявилась. Мы – враспынную, но тут взлетело несколько наших на выручку... Потом у нас долго вспоминали, как Лева к теории добавил нам практику: “Ухожу от огня, значит, так...” Мы его звали Василием Теркиным».

Укрощал «сейбров (F-86)» капитан Колесников за штурвалом знаменитого МиГ-15. За ним числится один подтвержденный сбитый американский самолет и еще один фактически

уничтоженный, но не зафиксированный документально. За участие в Корейской войне Колесников награждают орденом Красной Звезды. В перерывах между боевыми вылетами Колесников продолжает писать. После возвращения летчик поступает учиться на факультет русского языка и литературы местного педагогического института. Скорее всего, мать сумела передать Льву слова Фадеева о недостатке культуры и кругозора. Учтя все замечания и поняв, как «не надо», что в литературе не менее важно, молодой автор сел писать свою первую настоящую книгу. В рабочей тетради появляется запись: «Автор дома, впечатлений набрался, работа продолжается».

Для написания своей первой книги Колесников использует воспоминания о годах учебы в авиационной школе. Рукопись получила название «Тайна Темир-Тепе». Ее первая часть увидела свет в альманахе «Советское Приморье» в 1955 году. Полный вариант романа вышел через два года в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Библиотека научной фантастики и приключений». Книга имела подзаголовок «Повесть из жизни авиаторов». Фадеев не успел дать ей оценку, 13 мая 1956 года он трагически уходит из жизни. Без сомнения, он нашел бы, за что сделать своему крестнику строгий выговор, а за что сдержанно похвалить.

В любом случае состоялся полноценный писательский дебют. Сразу хочется отметить удачу молодого автора: он сумел достаточно органично соединить «производственный роман» со шпионским. Говоря о «производственном» романе, я имею в виду линию, связанную с учебой в летном училище молодых ребят – спортивного, несколько неуверенного в себе Валентина Высокова, молчаливого Бориса Капустина, надежного Сергея Козлова и бедового, но верного в дружбе Саньки Шумова. Друзья подобрались, как нетрудно заметить, по мушкетерскому принципу. Время испытывает их на прочность, проверяет на честность, взаимовыручку, храбрость. Понятно, что училище, готовящее высококлассных летчиков, притягивает внимание немецкой разведки. Активизируется вражеская агентурная сеть:

«Торговый инспектор Иван Сергеевич Зудин очень опытный и ценный работник. Немало всяких прохвостов схватил он за руку и вывел на чистую воду, многим торговым организациям помог наладить работу.

Но у Ивана Сергеевича не только деловой авторитет, его знают и как веселого, компанейского человека. Несмотря на солидный возраст (Ивану Сергеевичу было далеко за сорок), он сохранил интересную внешность: худощавый, высокий брюнет, нос с горбинкой, энергичный подбородок, веселые, с огоньком глаза. Многие находили, что он напоминает Мефистофеля. Мы думаем, что это сходство с дьяволом только внешнее: по глазам, по ястребиному профилю да по острой черной бородке. А по существу какой он Мефистофель? Добродушнейший человек...»

Многоotchие, как понимает читатель, поставлено не просто так. Зудин отправляется к единоличнику Ляйляк-баю и передает ему «привет из прошлого». Под ветвями старого карагача под чай и восточные сладости неторопливо течет беседа. Выясняется, что мирный дехканин когда-то был «краснобородым» – одним из лидеров басмачей. Но оказывается, что и «краснобородому» есть что вспомнить относительно прошлого «добродушнейшего человека»:

«Мой гость рассказал интересную сказку о краснобородом. Я тоже могу рассказать кое-что из жизни этого человека... Судьба забросила его за скалистый Гиндукуш, в Читраль. Там он вел деловой разговор с командиром английского отряда. Помощником у англичанина был в то время еще молодой человек, также называвший себя англичанином. У краснобородого отличная память. Хотя он и не имел с ним никакого дела, он запомнил его глаза, резкие брови, горбатый нос, сильно выдающийся вперед подбородок и высокую фигуру. Встретив того человека, краснобородый джигит узнал бы его даже в том случае, если бы он отпустил такую, как у вас, бороду и превратился бы из англичанина в русского, как когда-то превращался в англичанина из немца...»

Так несколькими штрихами Колесникову удалось показать сложную картину геополитической борьбы на просторах Средней Азии, куда с не самыми лучшими намерениями всегда пытались зайти игроки из разных частей мира. После «обмена воспоминаниями» собеседники переходят к конкретному, предметному разговору, связанному с возможностью нанести удар по авиационной школе. Вскоре в результате нарушения техники безопасности гибнет опытный экипаж вместе с самолетом. Чтобы меня не обвиняли в том, что сегодня называется иноземным словом «спойлер», скажу, что один из «козырей» автор открывает только в динамичном, наполненном действием финале. Он у Колесникова особенно удался. Вспоминая упрек Фадеева в стремлении к развлекательности, читателю стоит похвалить молодого писателя за следование своему темпераменту, позволившему не скатиться в прямолинейное морализаторство. Именно дух чистого приключения, азарт погони и победы над хитрым и коварным врагом привлекал и привлекает внимание к жанру шпионского романа.

В августе 1960 года Колесникова в звании майора увольняют из армии. Он остается в Сталинграде. Там он два года служил летчиком-инструктором в Качинском Краснознаменном высшем военном училище летчиков имени А.Ф. Мясникова. Шло хрущевское сокращение армии, приведшее к тому, что многие опытные и перспективные офицеры оказались никому не нужными. Колесникову было несколько проще по сравнению с другими уволенными. Он знал, чем будет заниматься, сняв военную форму. В 1965 году его принимают в Союз писателей. Впереди были два десятилетия жизни, книги и небо, о котором Лев Колесников всегда помнил и писал.

Михаил Хлебников, канд. философских наук

Пролог

Был конец июня 1941 года. В небольшом провинциальном городке на западе Белоруссии отчетливо слышались раскаты орудийной стрельбы, а в небе с нудным завыванием шли немецкие армады. Все жители города так или иначе уже решили свою судьбу: одни эвакуировались на Восток, другие ушли в леса, третьи готовили себя к подпольной работе. Были и такие, которые растерялись и со страхом ждали дальнейших событий. К таким относилась и Фаина Янковская, молодая девица, служащая одного небольшого предприятия. За несколько лет до войны она осталась сиротой, воспитывалась в детском доме, но с коллективом не срослась. Окончив школу, стала работать, но и тут держалась особняком. Подруга у нее была одна – полная ей противоположность, веселая, подвижная Зина Коваленко. Почему они подружились, трудно сказать. Зина объясняла это так:

– Я к Файке бегаю остывать. Как сотворю что-нибудь сногшибательное, аж самой страшно, – так к Файке. Петьку прошлый раз скотом назвала, а потом всю ночь плакала. Теперь-то помирились, всем можно рассказать, а тогда – кому расскажешь? Только Фаине. Могила. Не то что мы, сороки. Вот за это я ее и люблю... А что она такая замкнутая да неподвижная – это с ней пройдет. Вот случится с ней что-нибудь сногшибательное, она и проснется...

Но ее не разбудила даже война.

Зина загорелась сразу. Вид у нее был такой, будто она была рада случившемуся. В первый же день войны на Зине оказались гимнастерка с широким ремнем и крепкие сапоги. Где и что как достала – известно одному богу. Впрочем, возможно, она нарядилась в костюм брата-офицера, которого срочно вызвали из отпуска в часть... На второй день войны Зина раздобыла себе финский нож, а вскоре и браунинг. С утра до вечера она бегала по городским организациям, о чем-то хлопотала, шумела, выкрикивая фамилии Щорса, Лазо и даже Гарибальди. По всему было видно – она готовилась стать партизанкой. Сегодня утром она вихрем ворвалась к Фаине. На лице улыбка, глаза блестят.

– Фаинка!

И... осеклась. Фаина, ссутулившись, сидела в своей маленькой полутемной комнатке и тупо смотрела в стену перед собой.

Зина подсела к ней, заговорила. В голосе были досада, недоумение и жалость.

– Фая, что ж это ты, а? Такие события, а ты... Выше голову! Не робей. Пойдем с нами. Я тебя с такими ребятами познакомлю, дух захватит. Мы такое будем творить! Помнишь Мишку? Ну тот, что меня Зинкой-резинкой дразнил, когда я маленькой была... Во парень! Не хуже моего Петьки.

Фаина только головой покачала и, как всегда, сказала тихим голосом:

– Куда уж мне... Слабая я. Ведь страшно...

– А тут, под фашистами, не страшно? – Зина разгорячилась еще больше. – Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!

Фаина опять покачала головой и больше ничего не сказала.

– Ты хоть эвакуироваться-то думаешь?

– Не знаю, Зина. Куда, к кому мне ехать? В Средней Азии дядя есть, да он какой-то важный работник, разве ему до меня? Нет уж, будь что будет...

Зина ушла, а Фаина стала собираться на работу.

В конторе было пусто. Окна раскрыты, по комнатам, шурша бумагами, гулял сквозняк. Все эвакуировались. Видать, так спешили, что к Фаине никто не зашел. А может быть, было уже известно, что она решила остаться...

Дома Фаину ждал сюрприз. У ворот стоял запыленный газик, а рядом прохаживались два молодых человека. При ее приближении они переглянулись.

– Вы Фаина Янковская? – спросил один.

– Я...

– Ваш дядя, Антон Фомич Янковский, прислал нам телеграмму с просьбой помочь вам уехать к нему. Вот, пожалуйста...

Фаина взяла телеграмму, прочла: *«Товарищ Галюк, прошу обеспечить эвакуацию моей племянницы Фаины Янковской...»* Дальше следовал подробный адрес Фаины.

Девушка не успела раскрыть рот, чтобы спросить, кто они, эти молодые люди, почему Антон Фомич обратился к ним с просьбой, почему не телеграфировал ей, как незнакомцы заговорили оба враз:

– Подробности, товарищ Янковская, потом...

– Сейчас дорога каждая минута!

– Берите только документы и самое необходимое из вещей. Ваш дядя человек обеспеченный, будете как у Христа за пазухой.

– Быстрее, быстрее!

Фаина торопливо вошла в комнату, беглым взглядом окинула ее. «Что взять?» Жила она скромно. Кушетка, маленький столик, два стула. Шифоньером служило сооружение из трех палок, обтянутых пестрым ситцем. Подумав немного, взяла со столика фотографию матери и вышла на крыльцо.

– Я готова, – объявила она.

– Без вещей? Вот и молодчина!

Проворно ее усадили в машину и тотчас тронулись. По пути заезжали в какое-то учреждение, где что-то делали с паспортом Фаины, брали для нее какие-то справки. В этом учреждении все торопились, ругались – какие еще справки? Эвакуация! Но спутники Фаины были настойчивы. Сама Фаина выразила сомнение: стоит ли возиться с этими бумажками? Зачем они в такое время? Спутники ей объяснили, что документы потребуются в дороге, и, проявив настойчивость, получили в учреждении все необходимые бумаги на имя Фаины. Снова все уселись в машину и минут через десять были уже за городом.

Тот, что сидел рядом, объяснил Фаине: ее везут на соседнюю железнодорожную станцию, где легче будет сесть на поезд...

Машина шла по узкой лесной дороге. Кругом зелень и тишина, и Фаина обрела душевное спокойствие. Вот какие превратности в жизни! Еще час назад она не знала, как быть, что делать, а теперь едет к поезду... Есть все же хорошие люди! Она смотрела на стриженный затылок водителя, на мелькающие древесные стволы, на ухмыляющегося чему-то соседа и благодарно думала о своем дяде. В семье он слыл черствым человеком, а вот в трудную минуту вспомнил о ней... Пыталась представить встречу с дядей в далекой Средней Азии. Она почти не помнила его, так как рассталась с ним, когда была еще совсем маленькой. «Видимо, мама была не права, когда говорила о дяде, что он черствый и бессердечный. Вспомнил вот, позаботился...»

Глава первая

1

Если бы лейтенант Ершов предвидел, что его опоздание к поезду, с которым прибывало молодое пополнение для школы пилотов, послужит первым звеном в цепи многих печальных событий, он не стал бы ждать машину, а за час раньше примчался бы на вокзал пешком. Подумаешь, расстояние – шесть километров! Но где ж ему было предугадать то, что потом случилось? Получив приказание, он зашел в автопарк и справился, можно ли получить машину для поездки на вокзал. Машину обещали. Весело взглянув на Ершова, молодой шофер сказал:

– Один момент, товарищ лейтенант. Подзаправимся – и в путь.

– Не опоздаем?

– Что вы! За двадцать минут там будем. Еще и покурим на перроне, пока поезд подойдет.

Успокоенный лейтенант взобрался по стремянке на лабаз, под которым стояли машины, и с этой высоты стал обозревать окрестности.

Школа пилотов располагалась в одном из типичных для Средней Азии районов. В лучах знойного июльского солнца сверкали снежные вершины гор. Там, где лучи падали отвесно, снег был ослепительно-белый, а с теневой стороны – голубовато-зеленый. Переход от снегов к открытым скалам почти никогда не виден: его закрывает пояс клубящихся облаков. Под облаками синеют леса, местами их прорезают бурные, стремительные, седые от пены потоки. Ближе к подножью горы пологие. Вокруг степь, переходящая в песчаную пустыню с барханами, какие Ершов раньше видел лишь на картинках. На картинках красиво, а в жизни печально, и смотреть не хотелось. Воздух дрожал от зноя, рождая в своих струях обманчивые миражи. В цепких колючках прятались вараны – огромные ящерицы; скользили, блестя чешуей, змеи; высоко в небе кружились пернатые хищники.

К пескам Ершов остался равнодушен, но вид, открывающийся взору в сторону гор, вызвал восхищение. Здесь было много воды, а вода в Средней Азии – это жизнь. Бурные реки, сбегая с гор, растекались по паутине арыков – многочисленных небольших искусственных каналов. Они орошали поля, пышные сады, где зрели фрукты.

Гарнизон школы пилотов размещался рядом с широкой автострадой, обсаженной тополями. Тенистым коридором автострада шла до города. В густой сочной зелени садов белые стены домиков казались особенно нарядными. Блестели окна, блестела вода в арыках и водоемах, блестел снег на горных вершинах, серебрились взъерошенные движением воздуха листья тополей. Вместе с ароматом садов переменчивый ветер нес то горную прохладу, то зной пустыни...

Заглядевшись, Ершов забылся. Автомобильный гудок вернул его к действительности. Он поспешно взглянул на часы – до прихода поезда оставалось пятнадцать минут.

– Успеем, – снова успокоил его шофер.

Но только отъехали от гаража, мотор зачихал, закашлял и окончательно заглох. Шофер чертыхнулся и полез под капот искать «пропавшую искру», а взбешенный лейтенант, выпрыгнув из машины, чуть не бегом кинулся по шоссе к городу. С ужасом он поглядывал на неумолимые стрелки часов. Безнадёжно опоздал...

Что же произошло с новичками, которые, сойдя на перрон, не нашли тут представителя школы?

2

Их прибыло человек двадцать. Старшиной группы был долговязый, худощавый парень, чем-то похожий на Маяковского. Это сходство усиливалось явным подражанием парня великому поэту. Фамилия его была Зубров, но прибывшие почему-то называли его не по фамилии и не «товарищ старшина», а «товарищ студент». Прозвище было дано ему неслучайно: Всеволод Зубров был призван в армию и направлен в летную школу со второго курса института. Это «возвышало» его над остальными курсантами и по образованию, и по возрасту и, видимо, было учтено в военкомате, когда его назначали старшим группы. Учили, наверное, и не по летам серьезный вид его.

Быть старшим в разношерстной группе будущих курсантов не так-то просто. А молодые, горячие, озорные, непривычные к военной дисциплине, едва знакомые с уставом, они неохотно подчинялись командам человека без всяких знаков различия. В дороге многие из них уже ссорились с Зубровым, а когда вышли на перрон и не нашли представителя школы, в команде начался полный разброд. Каждый высказывал свои предложения, считая их наилучшими. Большинство сходилось на том, что надо пока «пошататься по городу» и в школу не спешить.

– Последний день в штатском ходим, – сказал один, – а уж потом как наденешь форму, черта лысого выглянешь из школы без увольнительной. Мне брат писал из армии...

Другие дружно его поддержали.

– Товарищи, – возражал Зубров, – ведь война, какие же теперь развлечения?

Его подняли на смех.

– Навоюемся, успеем!

Зубров рассердился и хотел уже крикнуть «прекратить разговоры!», как кто-то предупредил его:

– Смотрите, вон, наверно, из школы!

От вокзала к группе будущих курсантов шли два человека. Один был в военной форме. На голубых петлицах его гимнастерки по одному треугольнику. Это был стройный, широкоплечий, с тонкой талией и выпуклой грудью красивый грузин. Глаза большие, с длинными, как у девушки, ресницами, смотрели добродушно и, пожалуй, сонно; движения неторопливые, даже вялые. Его спутник в штатском по своей подвижности был полной противоположностью. То и дело забегал вперед, что-то нашептывая, размахивая руками и бросая косые взгляды из-под сросшихся черных бровей в сторону новичков. Маленькая кепочка едва прикрывала короткий темный чубчик, челочкой свесившийся к левому глазу. Полосатая морская тельняшка плотно обтягивала его худую гибкую фигурку. Походка у него была какая-то вихляющаяся, широкие с бахромой внизу брюки мели пыль.

Очень живописная пара!

С их приближением споры среди прибывших прекратились, все выжидающе уставились на них. Грузин улыбнулся, поздоровался и с сильным акцентом начал разговор:

– Все приехал?.. Как это спросить? Санька, ты любишь болтать, спроси... – И неторопливо стал закуривать.

Санька обрадовался и за минуту наговорил столько, сколько другой и за всю жизнь не скажет.

– Вы, ребята, в распоряжение полковника Крамаренко? Так я и думал. Вы не обращайте внимания на Валико, что он так со мной. Он парень свойский. Уже год отбухал в кавалерии, а сейчас прикатил в летную школу. Ну, а я, факт, нигде еще не служил, прямо с гражданки. Кантуюсь тут вторые сутки. Сегодня работал на разгрузке. За нами не усмотришь, вот и рванули в самоволку. Да, кисло, что нет шайбочек и подстрелить негде. Но мы...

– Подожди, – не выдержал Валико, – тебе доверил разговор, а ты – непонятные слова...
Говори дело.

– Дело известное: хотим пива. Не зря же мы сюда припоролы! Ну, а как мы остались при своих, то хотим позаимствовать у вас. И вообще нечего перрон топтать, айда в чайнушку!

– О нашем прибытии из военкомата телеграмму дали, – сказал Зубров. – Нам поскорей в школу...

– Знаем, знаем, – затараторил опять Санька. – Валико был вчера посыльным по штабу и раньше других узнал об этой телеграмме. Эка важность! Успеете. Мы же специально к вам припоролы, чтобы подстрелить, а вот у нас один чудак, лейтенантик из пехтуры, тот должен был официально. Только он наверняка уже нализался, и теперь ему не до вас.

Последние слова Саньки взбудоражили новичков.

– Понял, студент? А ты нам всю дорогу бубнишь о воинских порядках!

– О каких порядках? – Санька состроил удивленную рожу. – Юноши, я сообщу вам формулу: «Там, где кончается порядок, начинается авиация!» Ясно?

Валико махнул рукой.

– Баламут.

Зуброву все это надоело. Подняв руку, он сказал хоть и не по-уставному, но твердо:

– Идиоты! Черт с вами, больше никого не упрашиваю, поступайте, как хотите, а я иду в школу. Валико, объясни, как пройти туда, а то у блатного Саньки ни черта не поймешь.

Валико лениво поднял девичьи ресницы, с любопытством взглянул на Зуброва, и хотя желание того расходилось с его собственным, он взял у Зуброва записную книжку и с умением военного человека, несколькими линиями воспроизвел путь от вокзала до школы. Всеволод взглянул, кивком головы поблагодарил Валико и, подняв рюкзак, ни на кого больше не глядя, пошел по перрону к выходу.

Будущие курсанты только головами покачали:

– Ну и характер!

– Сделают из такого старшину – житья не даст!

Со вздохами начали подбирать свои вещи и заспешили вслед за Зубровым.

Не пошел только один – высокий, крепкий парень. В спорах он не участвовал, но когда Зубров сказал: «Идиоты! Черт с вами...» – парень рассердился, с шумом бросил чемодан на перрон, сел на него и закурил.

– Вот это по-нашему! – воскликнул Санька. – Молодец! Да мы сейчас, знаешь...

– Не по-вашему, а по-нашему, – оборвал его парень. – Просто я не люблю быть бараном.

– Да ты не сердись, дорогой... Давай, правда, зайдем в чайхану, а? Она здесь такая уютная, что закачаешься!

– Отвяжись. На вот тебе десятку – и дуй. А я посижу тут, не сходя с места, часа три, а там видно будет.

Санька сделал обиженное лицо, но деньги взял и, пятась к Валико, заговорил угрожающе:

– Ты вообще-то не очень! Я тоже такой...

Валико, следивший за разговором, молча взял из Санькиной руки десятку и, протянув ее законному владельцу, сказал, как и все, что он говорил, сонным голосом:

– Возьмите. Вы нас не поняли.

Парень поднялся. Лицо его из злого сделалось добродушным, и он сказал примиряюще:

– Ладно, ребята. Не будем ссориться. Все молодые, горячие... Поживем вместе, сдружимся.

– В армии без этого нельзя, – согласился Валико.

– А сейчас будем знакомы: Валентин Высоков.

– Валико Берелидзе...

– Санька Шумов...

– Знаете что? – предложил Валентин. – Раз уж все так получилось, выпьем в честь знакомства по паре пива, а потом уж и к месту.

На выходе в город они столкнулись с тремя попутчиками Валентина – Сергеем Козловым, Василием Городошниковым и Борисом Капустиним.

– Тебя ищем, – сказал Городошников Высокову. – Глядим, тебя нет, мы и пошли...

– Я на студента разозлился, а теперь вот решил с ребятами пиво пить.

Пошли вшестером, но еще не знали куда. Борис Капустин предложил в ресторан.

– Долгая история, – неуверенно возразил Валентин.

В душе каждого шла борьба между соблазном и чувством ответственности. Соблазн победил. Успокаивая друг друга, выдумывая себе оправдания, ребята решили зайти в ресторан...

3

Ресторан был летний, столики под тенью пышных крон деревьев, а вокруг ажурная изгородь с развешанными на ней художественными панно. Уютно, ничего не скажешь.

Заказ по своему выбору и на свой счет сделал Борис.

– Зачем ты... – начал было Валентин.

Но Борис не дал ему договорить:

– А ты что, боишься в долгу остаться? Когда-нибудь будет наоборот, и я не откажусь, а сейчас... Мне папаша две тысячи отвалил. Чего же их зря таскать?

В ожидании, пока подадут на стол, молодые люди завязали оживленный разговор. В разговоре они лучше узнавали друг друга.

Валентин Высоков, спортивного вида девятнадцатилетний юноша, только что окончил десятилетку. На нем была легкая шелковая тенниска с короткими рукавами, и все могли видеть мощные мускулы его рук. Валико тоже был спортсменом и потому без труда определил – по удлиненной форме бицепсов, по выпуклой груди и подобранному животу, – что Валентин гимнаст.

Заговорили о спорте. Оказывается, каждый из присутствующих был немножко спортсменом. Сергей Козлов упражнялся в фехтовании; Борис Капустин любил плавание, Василий Городошников – охоту. Санька сказал было, что уважает только «малую шведскую» – два раза по сто, но потом все же сознался, что любит коньки и велосипед.

– Это в твоём характере, – заметил Сергей. – Все куда-то торопишься.

На небольшой эстраде ресторана появились музыканты. Валентин, взглянув на них, вздохнул:

– Вот бы нашему Сережке скрипку! Он ведь, ребята, замечательный музыкант. Мы с ним из одной школы, я его талант знаю...

Но Сергей комплимента не слышал. Его внимание привлекла небольшая компания, рассаживавшаяся в этот момент за соседним столиком. На мужчин – высокого bruneta с мефистофельским профилем и добродушного лысоватого толстяка – Сергей взглянул лишь мельком. Внимание привлекла их спутница.

Ей было лет девятнадцать-двадцать. Каштановые волосы уложены красивыми волнами, волос к волосу, и вся прическа казалась поэтому вылепленной из пластмассы. Черты лица правильные, губы слегка подкрашены, большие серые глаза отливали холодным блеском стали, в легком прищуре глаз угадывалось презрение к окружающим. Светлый легкий костюм ловко сидел на ее стройной фигуре.

Когда женщина заметила, что на нее смотрят, губы ее чуть тронула улыбка, она повернулась к своим и стала о чем-то с ними говорить, не оглядываясь больше на столик, где сидел Сережа. А он искоса продолжал наблюдать за ней.

На столе появились вино, пиво, закуски, фрукты. Борис раскошелся. Из присутствующих он лучше всех чувствовал себя в ресторанной обстановке. И в этом, как ни странно, был повинен его отец, заведующий большим магазином. Ради «полезных» знакомств он частенько устраивал обеды и ужины за бутылкой – то в ресторанах, то дома. С шестнадцати лет Борис стал присутствовать на вечеринках и пирушках, а потом стал принимать участие и в ресторанных ужинах. Вообще его баловали много. Он носил дорогие костюмы, ему рано разрешили курить, давали «карманные» деньги...

Пока разливали вино, Борис подошел к эстраде, поговорил с музыкантами, сунул одному из них тридцатку и довольный вернулся к столу. Едва подняли бокалы, как музыка грянула авиационный марш. Выпили за победу над фашизмом, заговорили, зашумели.

Для всех ребят, кроме Бориса, ресторанная обстановка была непривычна. До войны учились. Откуда у них деньги на такие дела? Отец Саньки, правда, любил выпить с сыном, но это случалось либо дома, либо в захудалой чайной у пристани, где Санькин отец работал грузчиком.

Вино, вкусные закуски и музыка подняли настроение. Вчерашним школьникам было приятно почувствовать свою самостоятельность. В разговоре перескакивали с предмета на предмет, но больше всего говорили, конечно, о только что начавшейся войне и о своем будущем участии в ней в качестве летчиков. Беспокоились: успеют ли кончить школу до разгрома фашистской Германии. (Все почему-то были уверены, что долго война не протянется, несмотря на первые неудачи.)

Увлечшись разговором, забыли о службе. Лишь Валентин с беспокойством поглядывал на часы. Он уже считал себя виноватым, но торопить товарищей стеснялся. «Вот если через час не поднимутся, тогда скажу...» – подумал он и поскорей отмахнулся от этой мысли.

А разговор между тем продолжался и становился все более шумным. Кто-то говорил об отступлении, кто-то кричал «ерунда», кто-то вспоминал о прошлом. В воспоминания вплелись женские имена, по рукам пошли фотографии. Только Валико и Валентин молча улыбались.

Валентин спросил Валико:

– Ты всегда такой вялый?

Валико пожал плечами.

– У меня нет причины быть другим. – Он помолчал и пояснил: – С девушкой надо быть горячим, в бою надо быть горячим, а тут...

– Хорошо ты говоришь, Валико, – согласился Валентин.

Сережка переговаривался с Василием Городошниковым, которого за солидный вид все стали звать Кузьмичом. Он был сибиряк и, в отличие от своих товарищей, одетых в легкие костюмы, был в тяжелой суконной гимнастерке и в суконных же шароварах, заправленных в широкие сапоги. Он и Сережка, кажется, ничего не имели общего, и, может быть, поэтому их разговор был таким оживленным. Они показывали друг другу фотографии девушек, оставшихся в родных местах, вспоминали их самыми нежными словами, а Кузьмич даже вполголоса прочел стихи:

То истиной дышит в ней все,
То все в ней притворно и ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.

– Ты смотри-ка, наши вздыхатели в поэзию ударились! – воскликнул Санька. – Сейчас слезу пустят. Эх вы, вот у кого учитесь! – и показал на Бориса.

Борис держал несколько фотографий, развернутых веером, как обычно держат карты.

– Если мне начать над каждой из них декламировать, – самодовольно засмеялся Борис, – то вам слушать надоест. – И он без стеснения пустил фотографии по рукам.

Санька беззастенчиво щелкнул по одной пальцем, сказал:

– Вот эту бы в нашу компанию!

Кузьмич посмотрел на Бориса и Саньку с явным неодобрением. Метнув глазами на соседний столик, он потихоньку сказал Борису:

– Ты бы и эту приобщил к коллекции. Она, по-моему, в том же стиле.

Сережка возразил Кузьмичу:

– Мне кажется, ты ошибаешься. Правда, вид у нее эксцентричный, но в лице мужество, воля и еще что-то такое...

Кузьмич поморщился.

– Насчет «чего-то такого» ты прав, а мужества и воли не вижу. Презрение – вот что в ее глазах! Артистка, если не на сцене, то в жизни.

– Эх вы, физиономисты, – вмешался Борис. – Вот я сейчас узнаю ее поближе, чтобы вы много не спорили.

Он встал и ровной походкой прошел к оркестру. Там задержался на минуту, что-то сказал музыкантам и на обратном пути подошел к интересовавшей их девице. Заиграли вальс, и Борис пригласил пикантную женщину (или девицу?) на круг. Все у него вышло непринужденно и красиво, и за столиком заулыбались.

«Вот черт!» – подумал каждый из парней.

Во время танца Борис о чем-то говорил с красавицей. Та вначале только головой кивала, а потом стала смеяться. За вальсом последовало танго, потом фокстрот. Между столиками появились еще пары...

Валентин все чаще поглядывал на часы. Давно прошло время, которое он назначил для ухода, а решимости сказать об этом товарищам не хватало. Пока Валентин боролся с собой, Борис потащил всех к соседнему столику знакомиться с девушкой и ее спутниками.

– Фаина Янковская, – представил ее Борис товарищам. – Эвакуирована с запада, живет теперь в этом городе у своего дяди Антона Фомича Янковского. Вот это и есть ее дядя. А это их старинный приятель, Иван Сергеевич Зудин.

Все обменялись рукопожатиями. Новые знакомые оказались очень радушными людьми. Они предложили сдвинуть столики и отметить знакомство. Валентин набрался мужества и объявил, что пора и честь знать: дружба дружбой, а служба службой. Все чуть ли не хором начали успокаивать друг друга: «Да, да, еще немного», «Да, минут пять», «Ничего, если чуть-чуть подольше...».

Антон Фомич хохотал, потирая пухлые руки.

– Это просто великолепно, друзья мои, что вы будете служить и учиться в нашем городе! Я и все мы, Фаина, Иван Сергеевич, всегда были равнодушны к покорителям неба. Мечта! Как только у вас будет увольнение или командировка в город, прошу не забывать мой скромный дом. Иван Сергеевич также наш частый гость. Поэтому я уверен: нас ждет много приятных встреч...

За знакомство выпили коньяк. Борис и Санька записали адрес Антона Фомича. Иван Сергеевич, оказавшийся самым здравомыслящим из всей компании, предложил распить еще пару бутылок шампанского и расходиться.

– Вы уж простите, Антон Фомич, – сказал он с добродушной улыбкой, – как я понимаю, молодым людям надо спешить. «Дружба дружбой, а служба службой» – Валентин в этом прав. Я не хочу, чтобы из-за нашего знакомства они получили нагоняй от начальства. Потом и увольнительные получают, так не захотят к нам заглянуть...

– Мы опоздали на два с половиной часа, – мрачно сказал Валентин товарищам. – Предлагаю немедленно подниматься.

Попрощавшись с новыми хорошими знакомыми, вывалились из ресторана на мостовую и тут, как провинившиеся школьники, молча и не глядя друг на друга, заспешили.

Жара стояла невыносимая, все обливались потом. Взметая ногами пыль, больше часа тащились по обочине шоссе. Наконец сквозь листву придорожных насаждений завиднелись краснеющие кирпичом стены авиашколы. До ворот гарнизона оставалось не больше полкилометра. Дорога спускалась в лощину к манящему прохладой водоему. Валентин посмотрел на побелевшие от пыли лица товарищей и предложил:

– Искупаемся. Потеряем еще пятнадцать минут, зато освежимся и будем похожи на людей.

Все молча согласились и проворно, без шуток, без смеха, стали раздеваться и нырять в воду. Вода оказалась холодной. Водоем наполнялся из арыка, берущего начало в горной речке, а речку питали снега и льды горных вершин.

– Вот это отрезвиловка! – восхитился Санька. – Сразу весь хмель из башки выскочил.

– Это хорошо, что хмель выскочил, – усмехнулся Валентин, – а вот в каком бы источнике тебя искупать, чтобы дурь из твоей башки выскочила?

– Такого источника нет, – уверенно сказал Валико.

А Санька беззлобно засмеялся.

Оделись и присели на пешеходной тропинке покурить. Санька извлек из заднего кармана брюк колоду карт. Ловко перетасовав их, протянул Валико со словами:

– Прокинемся? В двадцать одно.

Валико лениво поднял длинные девичьи ресницы, поморщился, но карты взял. Началась игра.

Случайный прохожий, увидев на своем пути компанию молодых разношерстно одетых парней с картами в руках и папиросами в зубах, с опаской свернул с тропинки на дорогу. Саньке это показалось забавным.

– Гляди, братва, тот олух принял нас за блатных. Так прыгнул, что чуть в арык не свалился. А вон еще девка прется. Сейчас и она свернет в сторону.

Все оглянулись. По тропинке к компании молодых людей шла девушка. У нее красивое смуглое лицо с высоким открытым лбом, над которым золотится легкое облако светлых волнистых волос. Белое платье красиво оттеняло смуглую, почти коричневую кожу лица, шеи и рук с неженскими, кручеными мускулами. В одной руке у нее был чемодан, в другой книга, которой девушка защищала глаза от яркого солнца.

Бесцеремонно разглядывая приближающуюся незнакомку, Санька сказал:

– У вас, мадемуазель, наверно, плохое зрение, если вы идете на компанию мужчин, как на пустое место. Потрудитесь обойти.

Приостановившись, девушка смерила Саньку насмешливым взглядом (при этом все заметили удивительно синие ее глаза).

– Зрение у меня, молодой человек, превосходное, – сказала она звонким голосом, – и вашу странную компанию я заметила издали, да только надеялась, что тут сидят мужчины с самолюбием и встанут с тропинки, по которой идет девушка.

Санька заморгал глазами и не нашелся с ответом, зато Борис не растерялся и скомандовал:

– А ну, прыгай через арык! Ишь, цаца! Живо, а то перебросим!

Девушка с изумлением взглянула на грубияна и, дрогнув губами, двинулась прямо на Саньку, сидевшего как раз посреди тропинки. Тот вскочил. Девушка сильным движением плеча отстранила его, он попятился и одной ногой угодил в арык, уронив туда же свою кепчонку. Видя это, Борис опешил и посторонился. Девушка, проходя мимо, бросила ему с издевкой:

– В армию собрался? Тоже мне «защитник Родины»... – и пошла не оглядываясь.

– Вот же собака, – запричитал Санька, отряхивая намокшую кепчонку. – Да я, да мы... Я ее... – и кинулся было догонять обидчицу.

Валентин крепко схватил его за руку.

– Довольно дурака валять! Черт меня дернул связаться с хулиганами.

– Ах, вот ты какой! – взвизгнул Санька, дергая руку. – Ничего себе, попал я в компанию... – Он с надеждой повернулся к Валико, но тот сердито отвернулся.

– А ну, пошли в школу, – громко сказал, поднимаясь, Кузьмич, – а то еще какую-нибудь глупость сотворим.

Все молча двинулись за ним.

Девушка в белом успела уйти от них шагов на полсотни. После некоторой паузы Валентин, обращаясь к Саньке и Борису, сказал:

– Вот что, Аники-воины: вы догоните ее и извинитесь. Ведь если она живет неподалеку от школы, то наверняка догадывается, кто мы... Стыдно. Она же всем подругам расскажет об этой встрече.

– Не имею привычки, уважаемый, просить прощенья, – отрезал Санька.

Борис промолчал.

– Настойчивость, достойная ослиной, – сказал Валентин. – Ладно, черт с вами, раз не хотите, извинюсь за вас я. – И он прибавил шагу.

– Так бы и сказал, что белобрысая тебе понравилась! – крикнул ему вдогонку Санька.

– Помолчи, дурак! – обрезал его Сергей. – Нахамили, а теперь за вас извиняться... – И он помчался вслед за Валентином.

Услышав за спиной быстрые шаги, девушка остановилась и обернулась. «Что еще могут выкинуть эти хулиганы?» – говорил ее взгляд. Но против ее ожиданий парни с виноватым видом стали просить прощенья за хамство своих товарищей, потом приняли из рук девушки чемодан и в ногу с ней пошли дальше.

Некоторое время шли молча, потом Сергей заговорил несмело:

– А все-таки вы и сами чуть-чуть виноваты в этой маленькой неприятности. Видите: незнакомая мужская компания картежников и идете на нее без боязни...

– Без боязни? Я не привыкла бояться. Да и не такие уж вы страшные... – Замедлив шаг, она насмешливо посмотрела на Сергея.

Тот не обиделся на этот взгляд, а про себя подумал: «Вот характер!» Попристальней взглядевшись в ее лицо, заметил над верхней губой небольшой шрам и как раз под ним – золотая коронка. «Отчаянная. Не зря она не боится...»

Как это ни странно, но Валентин подумал о ней примерно так же.

– А еще, – продолжала тем временем девушка, – я по некоторым приметам поняла, что вы кандидаты вот в эту авиационную школу. Могла ли я ждать обиды от будущих летчиков? И, наконец, я же у себя, в Советском Союзе, а не в фашистской Германии...

– Все это верно, – согласился Валентин, – только всяких неприятных явлений у нас еще много. Взять хоть бы вашего обидчика... этого в маленькой кепочке...

Сережка засмеялся.

– Тут, Валя, надо еще разобраться, кто кого обидел... В арыке-то Санька купался, а не она...

Валентин шутку не принял и продолжал, обращаясь к девушке:

– А вот вы упомянули летчиков. А думаете, среди них нет легкомысленных?

Та ответила с задором:

– А вы откуда знаете? Вы ведь еще не летчики. Даже еще до ворот авиационной школы не дошли...

Валентин прикусил губу, а Сережка выпалил с обидой:

– Во всяком случае, в вопросах, связанных с авиацией, мы понимаем побольше вас!

– Неужели? – девушка подняла брови. – Вы кончили курсы при аэроклубе? Летали? – В голосе девушки уже не было и тени насмешки. И оттого Сергей смутился.

– Нет, не потому... Просто – это дело мужское, и мы...

Девушка улыбнулась и заговорила в прежнем насмешливом тоне:

– ...видели самолеты в кино, на парадах, читали о летчиках в романах... Так? Это вы хотели сказать?

Парни угрюмо молчали.

– Угадала? Элерон, лонжерон, стабилизаторы – все это вы знаете, правда? Прямо хоть сейчас сажай вас на истребитель с такими знаниями...

Парни продолжали угрюмо молчать. Каждый из них про себя думал: «Вот нарвались!»

Ага, вот и ворота школы. Наконец-то! Сейчас они избавятся от этой несносной девчонки.

Из контрольно-пропускной будки вышел дежурный. Взглянув на ребят, он попросил их обождать и скрылся. Валентин и Сергей поставили чемоданчики на землю и стали прощаться с девушкой.

– Давайте познакомимся на прощанье, – предложил Валентин. – Может быть, еще встретимся?

– Очень может быть, – улыбнулась та, подавая руку. – Меня зовут Нина.

Парни назвали себя.

Девушка подхватила чемодан и пошла... в контрольно-пропускную будку, доставая на ходу книжечку-пропуск. Сережка даже рот раскрыл от удивления.

– Как? – вскрикнул он вдогонку девушке. – Вы живете в этом городке?

Та обернулась, утвердительно кивнула головой; в глазах ее при этом светился смех. И скрылась в будке. За воротами мелькнуло белое платье и исчезло.

Подожли остальные.

– Что, никак эта мадемуазель проскочила в контрольную? – оторопело спросил у Валентина Санька.

– Видел? Теперь ты, надеюсь, понял, что вдвойне дурак?

– Наверно, дочь большого начальника, – высказал общую догадку Сережка. – Ей лет девятнадцать-двадцать, стало быть, папаша в возрасте, а раз в возрасте, так и звание что-нибудь вроде полковника...

– Черт с ней, семь бед – один ответ... – Санька горестно махнул рукой.

Появился дежурный по гарнизону. На прибывших он посмотрел недружелюбно.

– Пришли, пропащие? Ну, заходите. Вы у меня уже на карандашике. Проверим: Высоков, Козлов, Капустин, Городошников... Новички. Вам нагоняй будет поменьше, вы еще не в курсе, а вот Берелидзе и Шумову влепят, как надо, по первое число.

– Да мы, товарищ дежурный... – начал было врать Санька, – на разгрузке были и не слышали, когда остальным дали команду уходить, увлеклись работой...

Но дежурный не дал ему кончить.

– Оправдываться будешь перед командиром, однако предупреждаю: ври меньше. Уже все известно и о разгрузке, и когда остальные ушли, и почему вы команды не слышали. Шагом арш! Шумов – к старшине карантина, Берелидзе – прямо к заместителю командира по стрелковой подготовке.

4

Во дворе встретили Зуброва. Студент посмотрел на них очень сердито.

– Можете поздравить меня с первым «шприцем». Не успел явиться, как, по вашей милости, получил полтора часа стойки «смирно». Ну да ладно, для меня это развлечение кончилось. Теперь ваш черед.

– Не нуждаемся в состраданиях, – буркнул Санька. – И не особенно боимся. Но в следующий вечер признался откровенно:

– Плохо, братки... И на кой черт дался мне этот ресторан с этими глупыми знакомствами! Никогда не думал, что в армии так поставлен вопрос.

А «вопрос» был поставлен действительно на попа: в первый же день проштрафившиеся курсанты почувствовали, что такое воинская дисциплина. Старшина записал всех себе в книжечку и с улыбкой, как будто что-то очень приятное, сказал:

– Вот у меня теперь и полемойная команда налицо. Как раз из палаток в казармы переходить и там полы надо выдраить... Ну и всякие общественные места...

Но и этим дело не кончилось. На комсомольском собрании нарушители почувствовали на себе силу общественного мнения. А после их вызвал к себе комиссар. Думали – будет кричать, ругать, но вышло еще хуже. Комиссар, совсем уже седой человек со спокойным вдумчивым лицом, устало осмотрел явившихся из-под кустистых бровей и заговорил как отец:

– Беда мне с вами, ребята... Школа только организуется, работы по горло, а тут вот начальник говорит: случилось не предусмотренное планом... Это про ваш проступок. А если, говорит начальник, вам некогда с ними возиться, так мы их прямо в пехоту отчислим, а сюда новеньких. Желających летать ведь много. Ладно, говорю начальнику, попробую поговорить с этими парнями... – Комиссар помолчал. Курсанты не дышали. – А сами-то вы понимаете, что поступили нехорошо? Понимаете? Вот и прекрасно. Понять немудрено. Сейчас война, все стремятся на фронт...

И пошел, и пошел укорять и стыдить. Вышли от него с измученной душой, проклиная свои глупые городские похождения. Во дворе увидели Валико. Он шел в гимнастерке без ремня. Позади конвоир с винтовкой наперевес... Узнав ребят, Валико показал им растопыренную пятерню – дескать, пять суток ареста отхватил.

На другой день проходили комиссию по приему в школу, и там не обошлось без упреков. Однако приняли всех. У вещсклада распрощались с гражданской одеждой, переоделись в военную форму. А старшина, конечно, не забыл своего обещания: «лихая» команда с утра до вечера драила в казарме полы...

Было уже темно, когда прозвучала долгожданная команда:

– Личное время!

Друзья собрались в курилке. Последним примчался Санька.

– Привет полемойникам! – шумно приветствовал он товарищей.

– Чему ты радуешься? – зло спросил Кузьмич.

Санька пожал плечами. Ему явно надоело пребывать в плохом настроении.

– Знаете что, – сказал он, обращаясь ко всем. – Давайте плюнем на все, что случилось, и забудем. Согласен: я во всем виноват. Подлец, скотина, каюсь. Больше не буду...

– Э, Санька, дело еще не кончилось. – Борис вздохнул. – Как бы не всплыла наружу история с белобрысой. Я нынче смотрю на комиссара, а сам думаю: а вдруг это его дочь?!

– В этом случае нам с тобой несдобровать, – мрачно подтвердил Санька. И тут же, сменив тон, обратился к Валентину: – А признайся, Валяш, тебе та белобрысая понравилась, а?

– Понравилась потому, что она напоминает мне другую девушку, которая осталась в моем родном городе. Постой, постой, – Валентин выставил вперед руку. – Я уже вижу, что ты готов сказать какую-нибудь пошлость, и заранее предупреждаю: я этого не люблю...

– Ох, – вздохнул Санька, – какая скука! И проехаться по адресу всех этих идеалов не разрешается... То ли дело Антон Фомич. Посмотрел я в его лысину и, как в зеркале, увидел своего папу! Смейтесь, черти, смейтесь! Я не такой щепетильный, как Валька. Да и папаша у меня толстокожий, он все вытерпит.

– Не мешало бы зайти к этим Янковским при удобном случае, – мечтательно сказал Борис. – По всему видно, люди они радушные, гостеприимные. А что касается Фаины... – Борис щелкнул пальцами и причмокнул губами.

– Что и говорить, – согласился Санька, – Фаина девка такая, что пальчики оближешь, не то что Валькина белобрысая злючка. Чую, подложит еще она нам свинью... Ну как бы это узнать, кто она? У кого бы расспросить?

5

Торговый инспектор Иван Сергеевич Зудин – очень опытный и ценный работник. Немало всяких прохвостов схватил он за руку и вывел на чистую воду, многим торговым организациям помог наладить работу.

Но у Ивана Сергеевича не только деловой авторитет, его знают и как веселого, компанейского человека. Несмотря на солидный возраст (Ивану Сергеевичу было далеко за сорок), он сохранил интересную внешность: худошавый, высокий брюнет, нос с горбинкой, энергичный подбородок, веселые, с огоньком глаза. Многие находили, что он напоминает Мефистофеля. Мы думаем, что это сходство с дьяволом только внешнее: по глазам, по ястребиному профилю да по острой черной бороде. А по существу, какой он Мефистофель? Добродушнейший человек...

В городе Ивана Сергеевича привыкли видеть в хорошем темном костюме при галстуке, в модных туфлях, а отправляясь в район по делам службы, он облачался в полувоенный костюм: сапоги, бриджи, черная суконная гимнастерка с широким ремнем и защитного цвета фуражка.

У женщин Иван Сергеевич пользовался успехом, но семейными узами себя не связывал и оставался убежденным холостяком.

Что еще можно сказать об Иване Сергеевиче? Отец его погиб в Гражданскую войну от рук белых, мать тогда же умерла от тифа. Все это мог рассказать о Зудине любой его знакомый. Иван Сергеевич не делал тайны из своей биографии.

В один из дней он выехал на лошади в обычную свою поездку по району. Побывал на базе «Заготскот», оттуда заехал в сельпо и, наконец, направился в колхоз «Кызыл-Аскер».

Колхоз этот раскинулся у подножья гор, перед входом в широкое ущелье. Из ущелья выбегала река, и тут же часть ее расходилась по многочисленным арыкам, несущим воду на поля. Глинобитные дома колхозников с плоскими крышами, с окнами внутрь дворов утопали в зелени. Почти перед каждым домом голубел водоем. Виноград сплетался в тенистые беседки, в садах под тяжестью плодов гнулись ветви. Усадьбы подходили двор к двору, сад к саду; дувалы, выходящие к дороге, тянулись сплошной стеной, связывая в одно весь кишлак. Но одна усадьба была обособлена. Как ласточкино гнездо, она прилепилась на горном склоне. От нее к реке сбегали ряды плодовых деревьев. Между ними змеилась тропинка.

Верхом Зудин поднялся по этой тропинке к входу в усадьбу, спешился и через узкую калитку провел коня внутрь двора. Тут его встретил высокий седой узбек в белой рубашке, в узких белых штанах и в калошах с узкими, загнутыми вверх носками. На бритой голове зеленая чалма, на плечах полосатый шелковый халат, стянутый вокруг еще прямого, тонкого стана серебряной цепью с кривым восточным ножом на левом боку.

– Селям алейкум, почтенный Ляйляк-бай! – приветствовал его Зудин и заговорил на чистом узбекском языке. Пожелал «мир дому», осведомился о здоровье хозяина и членов его семьи и о многом другом, чего требуют тонкие восточные обычаи.

Ляйляк-бай (так звали старика) в ответ сказал гостю полагающиеся в таких случаях любезности. Пока они говорили так, маленький черноглазый мальчик, один из внуков Ляйляк-бая, подхватил под уздцы коня и отвел его к конюшням. Старик пригласил Зудина в дом. Глинобитный пол застлан красной кошмой, у стены горкой лежат сложенные вчетверо стига-

ные одеяла; в обрамленных синим узором нишах блестят медью обшивки сундуки. Одна стена убрана коврами, на коврах развешаны старинные шомпольные ружья с массивными курками.

Ляйляк-бай хлопнул в ладоши. Из соседней комнаты вышла женщина и молча поклонилась. Старик сказал ей одно слово:

– Дастархан.

Через минуту поверх кошмы на полу был раскинут ковер, по коврику – дастархан, расшитая богатым узором скатерть. Сразу после того в комнате появилось несколько мужчин, родственников хозяина. Со двора донесся крик барана...

Единоличник Ляйляк-бай жил замкнуто. Гости у него бывали редко, и сейчас за ужином чувствовалась натянутость. Сидящие тут догадывались, что приезжий из города не случайный человек. У Ляйляк-бая Зудин был впервые, и старик не был с ним знаком, но ему показалось, что черты лица гостя ему знакомы. Напрягая память, старик пытался восстановить обстоятельства встречи с этим человеком и не мог.

Улучив момент, Зудин вполголоса сказал Ляйляк-баю, что хочет поговорить с ним наедине. Старик ответил, что лучшее время для этого – ночь. Зудин удовлетворенно кивнул, и ужин продолжался.

Ночью они вдвоем вышли за ворота и поднялись на небольшой выступ на склоне горы, к одинокому карагачу, мимо которого бурлил неугомонный горный ручей. В небольшой впадине рядом со старым деревом образовался водоем. Из него вода падала звонкой струей на камни и, вновь собравшись в шумный ручей, катилась вниз, в долину, где черными пирамидами стояли мрачные ночью тополя. С другой стороны, загораживая полнеба, возносились зубчатые пики гор. На их склонах трепетали красные языки пастушьих костров.

Под карагачом, на небольшой искусственно выровненной глинобитной площадке, уже был раскинут ковер, на нем – чайник, чашки и восточные сладости. Ляйляк-бай сел, поджав под себя ноги, кивком головы пригласил на ковер гостя, закурил и выжидающе насторожился. Тлеющий огонек в горелке бросал тусклый розовый отблеск на его неподвижное, словно высеченное из камня лицо, на белую бороду, ровным клином опускающуюся на грудь, на сдвинутые седые брови, из-под которых с равнодушным холодным блеском смотрели умные, спокойные глаза.

Зудин сел рядом, тоже закурил и заговорил по-узбекски. Тон его был при этом таков, как если бы он рассказывал легенду.

– Много лет тому назад, – начал он монотонно, – в песках Аму-Дарьи появился сильный отряд вооруженных джигитов. Их возглавлял храбрый, умудренный военной хитростью и боевым опытом воин, носивший имя Ибрагим-бек. В его отряде был один уже пожилой джигит с бородой, окрашенной в красный цвет.

Был он смел и горд, как сокол. Однажды, не побоявшись гнева своего начальника, он бросил ему в глаза слова упрека. Сподвижники Ибрагим-бека хотели убить дерзкого, но тот, искусно владея шашкой, прорвался сквозь их кольцо и бежал. С тех пор краснобородый стал правой рукой другого смелого начальника – Керим-бая. Керим-бай погиб в бою, и краснобородый возглавил отряд. А когда красные овладели всеми горными тропами и перевалами, краснобородый распустил свой отряд, а сам скрылся.

Прошли годы, и он живет в безвестности, лишенный былого почета и былой славы. Многие его дети и внуки вышли из повиновения законам шариата и ведут легкомысленный образ жизни. Но близится новое время. С Запада идет непобедимая сила. Она принесет свободу народам Востока...

Зудин умолк. Ляйляк-бай, не глядя на него, пыхнул трубкой. Осветилось его лицо, но ничто не отразилось на нем. Несколько минут оба молчали. Потом старик заговорил не спеша, ровным голосом:

– Мой гость рассказал интересную сказку о краснородом. Я тоже могу рассказать кое-что из жизни этого человека... Судьба забросила его за скалистый Гиндукуш, в Читраль. Там он вел деловой разговор с командиром английского отряда. Помощником у англичанина был в то время еще молодой человек, также называвший себя англичанином. У краснородого отличная память. Хотя он и не имел с ним никакого дела, он запомнил его глаза, резкие брови, горбатый нос, сильно выдающийся вперед подбородок и высокую фигуру. Встретив того человека, краснородый джигит узнал бы его даже в том случае, если бы он отпустил такую, как у вас, бороду и превратился бы из англичанина в русского, как когда-то превращался в англичанина из немца...

Ляйляк-бай замолчал и снова пыхнул трубкой. При этом в глазах его сверкнула насмешка.

После длительной паузы заговорил Зудин:

– Я вижу, почтенный Ляйляк-бай придерживается пословицы: долг платежом красен... Что же он думает теперь обо всем этом?

– Что я думаю? Восток мудр. Я встречал одного чужеземца из очень далекой восточной страны. Он показал мне золотой портсигар, на крышке которого были изображены три обезьяны. Одна из них закрыла себе лапой глаза, другая заткнула уши, третья зажала рот...

– Достойный ответ, – подхватил Зудин. – Но сейчас кое-что надо вспомнить, время требует этого. Те, кто найдет себе место в близкой борьбе, пожнут плоды щедрой благодарности.

– Ляйляк-баю уже поздно чего-либо желать, – возразил старик с усмешкой. – Мое место в моей усадьбе. Забвение и покой – вот лучшая награда...

– Этого-то и может лишиться его дом в ближайшее время. Помочь сохранить покой в твоём доме могу я. Услуга за услугу. Мне нужна встреча с джигитами, которые не хотят идти на войну.

– Я не знаю таких джигитов, – ответил старик.

– Но зато я знаю. Один из них – Уразум-бай, сын старшей дочери почтенного Ляйляк-бая. Он не пришел на призывной пункт и скрылся в горах. Я не знаю, как Ляйляк-бай может встретить Уразум-бая и его друзей, но я хочу, чтобы он их встретил и передал им, что есть человек, желающий им помочь. А в средствах, я думаю, они нуждаются...

– Но как они встретят этого человека? – спросил Ляйляк-бай.

– Через два дня я хочу выехать в степь. Я давно слышал, что степь хранит остатки древней крепости Темир-Тепе, где мужественные предки Ляйляк-бая сражались насмерть с неверными. Из уважения к их памяти я хочу посетить эти священные руины. Тот, кто захочет меня видеть, придет туда во второй половине дня, чтобы к темноте разговор был уже кончен. Вот и все, о чем я хотел поговорить с тобой, почтенный Ляйляк-бай.

Старик ничего не сказал, и они простились.

Осторожно спустившись с конем в поводу от усадьбы Ляйляк-бая к ровной дороге, Зудин вскочил в седло. Гулко раскатилась в ночной тишине дробь копыт пущенного в галоп коня. Раскатилась и стихла в отдалении. А Ляйляк-бай еще долго стоял у ворот и, глядя, как один за другим гаснут в долине огни, вспоминал давно прошедшее, казалось, навсегда забытое и так неожиданно и некстати вспыхнувшее вновь.

Глава вторая

1

Прошло меньше суток с того времени, как молодые курсанты надели военную форму, а старшина уже со всей придирчивостью требовал образцовой выправки.

Большого роста, необыкновенно широкий в плечах, должно быть, очень сильный, он сразу же вызвал к себе чувство уважения со стороны курсантов. Голос у него был самый «старшинский» – настоящая иерихонская труба. Когда он кричал «смир-р-р-но», то это самое «р-р-р» раскатывалось так грозно, что курсанты замирали в трепете. Санька после первого построения только затылок почесал:

– Ну и послал нам бог воспитателя! С ним год прослужишь и заикой сделаешься.

– А другой тебя и не примет, – успокоил его Сережка.

Команда старшины «становись без последнего» прервала этот разговор. Все кинулись к месту построения, так как уже знали: кто будет последним, тому обеспечен наряд на сверхурочную работу. Строй замер, и старшина обвел его свирепым взглядом. Придаться, кажется, было не к чему. Сапоги и пуговицы у всех блестели, все побриты... Но опытный глаз старого служаки разве мог что-нибудь пропустить? И он грозно двинулся вдоль строя, бросая на ходу сердитые реплики:

– Для кого сапоги чистите? Для старшины? Носки блестят, а каблуки грязные. Выйдите из строя!

– Кто вас так учил подшивать подворотничок?

– А что это за олицетворение невинности? – старшина воткнул глаза в постную Санькину физиономию. Тот только что двинул соседа кулаком в бок и сразу же изобразил лик святого. – Выйти из строя!

Когда старшина дошел до левого фланга, «из строя» была выведена половина курсантов. Эти две половины стояли теперь друг против друга, и старшина смотрел то на тех, то на других, потом, выдержав томительную паузу, спросил обычным своим громовым голосом:

– Все поняли мои замечания? – Курсанты молчали, и старшина решил: поняли. – Даю пятнадцать минут сроку. Все недостатки устранить, старшим доложить об устранении. Кому непонятно, как должен выглядеть курсант, пусть посмотрит вот на этих двух орлов! – жест в сторону Высокова и Козлова. И сразу раскатистое: – Смир-р-но! – Два строя колыхнулись и замерли. – За отличный внешний вид Высокову и Козлову от лица службы объявляю благодарность! – И тотчас, как бы спохватившись, погрозил пальцем Высокову и Козлову и добавил уже вполголоса: – Смотрите у меня! Не подумайте, что вы и в самом деле чего-нибудь достигли. Это только по сравнению с остальными. Кто хочет видеть настоящую выправку, пусть смотрит на младшего сержанта Берелидзе. Жаль нет его сейчас, сердяги...

В последних словах старшины послышались нотки нежности, но он опять как будто вспомнил, что подчиненные не должны видеть в нем ничего обыденного, и прорычал:

– Р-разойдись!

Санька заново перешивал подворотничок и строил догадки:

– Второй осмотр подряд. Не иначе какое-нибудь начальство нагрянет...

И он не ошибся. Только успели построиться, старшина рявкнул «смирно», дверь открылась, и на пороге появился командир учебного отряда. «А вот поглядим теперь, как ты залебезишь!» – подумал Санька о старшине. Но тот не лебезил. Его доклад командиру прозвучал четко, торжественно и уверенно. Старшина, видимо, вполне надеялся на безупречность своей

выправки и не волновался за состояние дел во вверенной ему команде. Перед строем он продолжал держаться хозяином.

Командир отряда лейтенант Журавлев из жизненного опыта знал, что в воспитательной работе надо начинать с мелочей. Поэтому, хотя основное в жизни авиационной школы – тяжелая летная работа, он, направляясь к курсантам, не забыл и о своем внешнем виде: пуговицы и эмблемы горели на темно-синем отутюженном френче как новенькие, в сапоги можно было глядеться, ремни ловко подогнаны и приятно поскрипывали; и выбрит безукоризненно. Только устало запавшие глаза не соответствовали всей блестящей внешности.

Выслушав доклад старшины и поздоровавшись с курсантами, лейтенант сказал:

– Сейчас, товарищи, я ознакомлю вас с боевым расчетом. Старайтесь с самого начала запомнить своих прямых начальников. Товарищ старшина, пригласите летчиков.

Старшина вышел, и через минуту в помещение один за другим стали входить командиры звеньев и инструкторы. Быстрым шагом они проходили за спиной командира и выстраивались за ним в одну линию, лицом к строю курсантов. Вдруг Сережа крепко сжал руку Валентина и глазами показал в сторону двери. Валентин взглянул туда и обомлел: Нина! Да, Нина, только теперь на ней было не белое платье, а френч и темно-синяя юбка. На петлицах – три треугольника... Старший сержант!

Сережка шепнул Валентину:

– Не завидую я Саньке и Борису!

– «Саньке и Борису»! Ты о нас подумай! – так же шепотом ответил Валентин. – Вспомни: «Мы мужчины, мы в авиации разбираемся лучше женщин...», «Элерон», «лонжерон»...

При этом воспоминании у Сергея на лбу выступил пот.

Командир стал зачитывать боевой расчет. При упоминании фамилии инструктора названный отходил в сторону, и к нему тотчас пристраивались курсанты, фамилии которых назывались вслед за фамилией данного инструктора. Борис, Санька и Кузьмич попали в экипаж старшины Лагутина и, облегченно вздохнув, спрятались за его широкой спиной.

Санька, подтолкнув Бориса, сказал ему на ухо:

– Боря, а бог-то, наверное, есть... Я сейчас всем святым молился, чтобы не попасть к белобрысой. Пропали бы мы с тобой под ее руководством ни за понюх табаку!

– ...летчик-инструктор старший сержант Соколова, – читал между тем командир, – старшина экипажа – младший сержант Берелидзе...

– Отсутствует, – доложил старшина команды.

– Знаю, – хмуро сказал командир и посмотрел при этом на Соколову. Взгляд его усталых глаз сказал ей: веселенькое для тебя начало работы! Сам старшина экипажа на гауптвахте!

Нина ответила командиру сердитым взглядом, но тот читал уже дальше и взгляда ее заметить не мог.

– Курсант Зубров!

– Я!

– К инструктору старшему сержанту Соколовой. Курсант Высоков, курсант Козлов... О, так-так... К Соколовой попали, кажется, все вчера провинившиеся. Ну смотрите, старший сержант, я на вас надеюсь...

Зачитав до конца боевой расчет, командир объявил:

– Товарищи инструкторы! Курсанты в вашем распоряжении, приказываю развести экипажи и провести беседы о предстоящем обучении. Ну и... поближе познакомиться друг с другом, Р-разойдись!

Нина Соколова провела свою группу через двор и по окраине аэродрома к двум тополям у арыка. Место уединенное, в стороне от шума и движения.

– Пока на улице тепло, будем проводить занятия на этом месте, – объяснила она курсантам. – Садитесь.

Расположились на лужбине в тени тополей. Молча все уставились на инструктора, а она, осмотрев небо и, видимо, оставшись довольной этим осмотром, сказала:

– Ну, что примолкли? Слышали, как командир о вас говорил? Натворили глупостей с самого начала. Однако носы не вешать. Будем изучать авиационную технику, будем учиться летать и докажем, что мы не хуже других. – Эти слова она сказала громко, бодро, по-командирски. Обвела взглядом сидящих, улыбнулась и заговорила другим голосом – простым, обыкновенным: – А знаете, я в вас уверена. Мне нравятся вот такие грубовато-дерзкие... И командир сегодня удивлялся перед строем только для вида: я с его ведома копалась в личных делах вновь прибывших и нашла вас по фотографиям – фамилий-то ваших я ведь не знала. – Помолчав немного, она пояснила: – За нарушение воинской дисциплины вас хотели отчислить в пехоту, а я поручилась за вас... Старшина Лагутин взял себе остальных. Надеюсь, мы с Лагутиным не ошиблись...

Потом Нина Соколова рассказала о себе. Родилась она в 1923 году; сибирячка; семи лет пошла в школу, в семнадцать окончила десятилетку; к тому же времени окончила летную школу аэроклуба и стала инструктором. За вторую половину 1940 года и первую половину 1941 года выпустила две группы курсантов. Началась война, и она добровольно пошла в ряды Красной армии и на днях получила назначение в эту школу... В комсомоле с 1939 года.

– Станете летчиками, пойдете на фронт, может, и меня вспомните добрым словом. А теперь расскажите коротко каждый о себе. Так как вас много, а я одна, то на всякий случай я запишу... – и она достала из кармана френча записную книжку и карандаш.

Понемногу курсанты оправились от смущения. Вчерашняя белобрысая девчонка в белом платье отодвинулась куда-то в сторону, и ее место прочно заняла другая – девушка в военном костюме со знаками различия старшего сержанта. Перед той курсанты чувствовали себя независимыми, нахальными парнями, перед этой – робкими, неопытными мальчишками. Но лицо этой все время напоминало ту, вчерашнюю. И когда каждый рассказал свою биографию, Сережка не выдержал:

– Простите за нескромность... – он замялся, но, овладев собой, продолжал: – Мы вчера еще заметили – зуба у вас нет и над этим местом на губе шрам... Это что, на работе лишились?

Нина не уклонилась от ответа.

– Да, это был такой печальный случай. Это еще когда я училась летать. Есть тут старший сержант Дремов (потом вы его узнаете), он был первым моим инструктором... Полетели мы с ним однажды по маршруту, вдруг забарахлил и заглох мотор. Кругом каменистые сопки, крутые, поросшие лесом склоны гор. Верная смерть. Но Дремов не растерялся. Он выключил зажигание, перекрыл бензин и стал планировать. Высота была небольшая, и он так ловко ухитрился посадить самолет, что я, как говорится, отделалась легким испугом да одним зубом...

– А зачем выключать зажигание и перекрывать бензин? – спросил Зубров. – Ведь мотор все равно не работает?

– А чтобы пожара не было. Винт ведь все равно крутится от встречного потока воздуха, магнето, соединенное через привод с коленвалом, продолжает искрить; при вынужденной посадке бензопроводка могла порваться, бензин брызнул бы на искру – вот и пожар, взрыв. Из кабины выскочить не успеешь! А в нашем случае наверняка была бы такая неприятность. Ну, что задумались? Страшный случай вам рассказала? Не бойтесь! Исправность самолета зависит от человека. Будете все своевременно проверять и грамотно эксплуатировать свою машину, любить ее, ухаживать за ней, ничего страшного никогда не случится. Всю жизнь будете летчиками и умрете от старости на печке у внуков.

Все засмеялись. Старость с внуками и печкой представлялась бесконечно далекой, скучной и невозможной.

2

Ранним утром на окраине колхоза «Кызыл-Аскер», взвизгнув тормозами, остановилась автомашина. Из кузова выпорхнула юная узбечка. Ей подали небольшой саквояж, и она, подойдя к кабине, стала благодарить водителя. Тот обнажил в улыбке ряд белых зубов, сказал:

– На здоровье, дорогая! Ты первая из всех бабочек, какие садятся на мой кузов, поблагодарила меня. Беги быстрее к своему деду, заждался небось.

Машина, взревев, запылила вниз по дороге, а девушка с саквояжем пошла по тропинке вверх – к усадьбе Ляйляк-бая.

В костюме незнакомки была смесь Европы и Азии. Поверх шелкового платья, сшитого по московским модам, расшитый парчой восточный жилет из бордового бархата. Черные, как крыло ворона, волосы заплетены в две тяжелые, тугие косы, спускавшиеся ниже пояса. Косы, видимо, были так тяжелы, что оттягивали голову назад, и это придавало гордость осанке. На голове расшитая парчой тюбетейка. Девушка была совсем юной, на вид ей не больше шестнадцати лет.

После того как она поблагодарила шофера и простилась с ним, выражение веселости исчезло с ее лица, сменившись озабоченностью и грустью. Джамиле Султанова (так звали девушку) вчера проводила на фронт своего отца Джафара. У Джамиле не было матери, не было ни сестер, ни братьев. Отец был самым близким человеком. И вот он уехал на фронт... Многочисленная родня, жившая в доме деда Ляйляк-бая, была непонятна девушке, жила какими-то своими интересами. Дедушка, отец матери Джамиле, религиозный, умный, молчаливый и деспотичный старик, не терпевший в семье ничьих возражений, внушал страх. О его прошлом поговаривали нехорошо.

Джафар Султанов, отец Джамиле, в Гражданскую войну был комиссаром при отдельной кавалерийской группе. Однажды он попал в плен. Его ждали пытки и истязания, но нашлась девушка, которая помогла ему бежать. Девушка эта неизвестно почему пользовалась большим доверием у басмачей. Спасая Джафара, она и сама бежала вместе с ним. Вскоре они поженились. Молодая жена первое время часто писала своему отцу. Джафар, видя в ней свою спасительницу, вполне доверял ей и не интересовался ее перепиской. Но то, что его жена, узбечка, была грамотной (для тех лет это было большой редкостью), подсказывало Джафару, что она не из простой семьи. Он все собирался расспросить ее о прошлом, да не решался.

Как-то ночью она исчезла. Джафара охватила тревога, он не знал, что предпринять. Но на другую ночь жена вернулась, и не одна. С ней пришел пожилой мужчина.

– Мой отец, Ляйляк-бай, – сказала жена.

Джафар знал это имя. Это был враг. Но это было давно. Он пришел в его дом, он гость и отец его жены. Как быть?

– Джафар, – начал Ляйляк-бай, – меня всю жизнь учили искать справедливость. Теперь я вижу, что большинство людей с вами. С вами народ. Значит, правда на вашей стороне. Понимать вашу правду мне уже поздно, я старик, и старые раны не дают мне покоя. Помогите мне, Джафар, я хочу жить мирно, спокойно. Я хочу, чтобы люди забыли мое прошлое. Но помни: Ляйляк-бай горд. Я прошу в первый и в последний раз.

И Джафар помог. Ляйляк-бай поселился далеко от тех мест, где его знали прежде.

Прошли годы. Ничего компрометирующего за ним не замечалось, и надзор был снят. Жена Джафара подарила ему дочь и вскоре умерла от тяжелой болезни. Джафар после ее смерти не женился и всю свою любовь сосредоточил на дочери. Смелый, волевой, ловкий и сильный, он к тому же все время не только работал, но и учился и служил хорошим примером для своей дочери. Джамиле была вся в отца: подвижная, отчаянная, как мальчишка. Изредка она вместе с отцом бывала в усадьбе Ляйляк-бая. Мрачный старик видел в ней образ своей

любимой дочери и боготворил ее. И если в доме ни одна женщина не вмешивалась в мужские дела и не переступала порога той половины, где сидели мужчины, то Джамиле позволялось все.

Сейчас Джамиле шла попрощаться с Ляйляк-баем, чтобы поехать к отцу, ставшему командиром одной из частей действующей армии. Втайне Джамиле надеялась принять непосредственное участие в боевых действиях.

Нельзя сказать, чтобы она любила своего деда. Он казался ей странным, непонятным и таинственным. Но она уважала его.

Во дворе усадьбы Джамиле встретила тетка – старшая дочь Ляйляк-бая. Она обняла девушку за плечи и заговорила ласково:

– С какой радостью я смотрю всегда на тебя, бутончик ты мой! Была бы жива сестра, как бы она любовалась и гордилась тобой! Твоя мама была лучше всех нас, ее сестер... Мы все – тихие, покорные, а она самому Ибрагим-беку дала пощечину. Из-за этого и твой дед... Впрочем, я болтаю и сама не понимаю что. Пойдем поскорее в дом.

– Как здоровье дедушки?

– С ума сошел твой дед – на старости лет ускакал с молодыми джигитами смотреть Темир-Тепе. Как это говорится?.. На экскурсию.

– И давно?

– Да с час назад. Говорили, будто из города кто-то там будет, начальник какой-то... Толком-то я не поняла, знаешь, какие порядки в нашем доме...

– Очень мило со стороны дедушки, – обиженным голосом пропела Джамиле. – Пригласил внучку в гости, а сам уехал. И сколько раз просила я его показать мне эти развалины, так и не собрался, а для чужих – пожалуйста!

Тетка, как могла, успокаивала племянницу: усадив ее на ковер, угощала халвой, пробовала заинтересовать ее скудными новостями семейного быта, потом засуетилась, приготавливая завтрак. Джамиле угрюмо молчала, а потом вдруг вскочила со словами:

– Не надо завтрака. Дай мне чего-нибудь в дорогу, и я поскачу к Темир-Тепе. Я догоню дедушку. Послезавтра я ведь совсем покидаю эти места, и если не увижу Темир-Тепе сегодня, то, может быть, не увижу никогда...

Тетка начала было отговаривать ее, но Джамиле и слушать не хотела. Тогда тетка махнула рукой и принялась помогать девушке. Джамиле быстро переоделась для верховой езды. Теперь на ней были шаровары, в которых она обычно ходила на уроки физкультуры, на ногах – мягкие, легкие, как чулки, остроносые ичиги. Легкая блузка и жилет завершали костюм.

Вдвоем они быстро оседлали коня. Вокруг собрались проснувшиеся домочадцы Ляйляк-бая: тетки, двоюродные братишки и сестренки. Все смотрели на Джамиле с восхищением и завистью. Разве бы кто из них посмел так самовольно поехать за суровым Ляйляк-баем? А Джамиле – они были уверены – старик будет только рад.

Ляйляк-бай любил коней и понимал в них толк. Кони его были хороши. Когда Джамиле вскочила на своего скакуна, тетка только руками всплеснула. Истый джигит! Такой наездницей конь мог гордиться. Глаза Джамиле, как большие черносливы, искрились радостью предстоящей скачки. Она приветливо махнула всем рукой и рысью выехала со двора.

О месте, где расположены развалины Темир-Тепе, девушка знала приблизительно, но несколько не сомневалась, что найдет их. Покинув «Кызыл-Аскер», она километров пять скакала вдоль железной дороги, потом свернула к руслу пересохшей реки. Русло уходило в степь. Она помнит – дед говорил ей, – если придерживаться направления этого русла, то можно без ошибки попасть к Темир-Тепе. От «Кызыл-Аскера» до развалин старой крепости считают сорок километров. Джигиты, наверно, едут легкой рысью, а Джамиле будет нестись вскачь. Приутомится конь, она даст ему немножко отдохнуть и опять погонит во весь дух. Должна нагнать километров через тридцать.

На полпути встретила колодец. Около были свежие следы. Все хорошо. Следы подходили к колодцу под углом к ее пути. Всадники шли по прямой – через степь, а не вдоль сухого русла, как она.

Напоив коня и чуть отдохнув, Джамиле поскакала следом, и к середине дня на горизонте обозначились очертания заброшенной крепости. Она вставала как видение из старинной сказки: полуразрушенные стены, за ними купол мечети, стройный минарет. Ближе, ближе... Из провала в стене выехали всадники. У Джамиле было острое зрение, и она за километр различила полосатый халат Ляйляк-бая. С ним были еще пятеро. Один из всадников отделился от этого небольшого отряда и, пустив коня в галоп, поскакал к ней навстречу. Когда он приблизился, Джамиле узнала своего двоюродного брата, Уразум-бая...

3

Полеты должны были состояться во вторую смену, поэтому Нина хорошо выспалась, включив радио, сделала физзарядку, приняла душ, надела комбинезон и заглянула к Дремову. Тот встал много раньше и занимался прокладкой маршрута. По ковру Нина на цыпочках подкралась к нему и зажала глаза ладонями. Дремов замотал головой.

– Нинка,пусти!

– А почему ты знаешь, что это я? Это не я.

– Больше никто так глупить не умеет.

– Спасибо... Я обиделась.

– Обиделась? Тогда придется сказать правду. Я узнал тебя по рукам... Разве есть еще у кого-нибудь такие нежные руки?

– Говори, Васенька, говори, мне это очень нравится...

– Нравится? Тогда слушай еще приятную вещь. Командир хочет, чтобы сегодня мы летали с полной нагрузкой. На этом нашей инструкторской тренировке конец. Завтра выходной, а послезавтра начнем наземную подготовку с курсантами к учебным полетам...

Нина захлопала в ладоши.

– ...А завтра, – продолжал Дремов, – раз уж выходной, поедем вместе в город, сходим в кино или в театр. Помнишь, как до войны?

– Не расстраивай!

– Мы бы уже были мужем и женой...

– Не надо, Вася...

Помолчали, потом, разглядывая полетную карту Дремова, Нина спросила:

– Ты разве не летал по этому маршруту?

– Нет.

– При такой гонке с полетами и не запомнишь, кто, когда и куда летал.

– Ничего, зато быстрее приступим к работе с курсантами. Фронту нужны летчики.

– Нужны... Нас бы забрали.

– Может быть, сами удерем на фронт, а? – И, не дожидая ответа, заговорил о другом: – Ты, говоришь, летала по этому маршруту? Вот этот поворотный пункт хорошо заметен?

Нина склонилась над картой.

– Темир-Тепе? Отлично виден. Кругом степь, как скатерть, и, кроме этих развалин, никаких посторонних предметов. Мне не раз хотелось там приземлиться и побродить, посмотреть...

– Ладно, не рассказывай. Сегодня полечу, сам увижу.

– Эй, хватит обниматься! – раздался позади их звонкий задорный голос.

Обернулись. На пороге Вовочка Васюткин, самый молодой и самый маленький по росту инструктор. Ему было всего лишь семнадцать лет, и командир отряда, глядя на него, хватался

за голову: «Не отряд, а какой-то бродячий детский сад». На днях Васюткин накидал в волосы Соколовой репьев, а та в ответ протянула его ремнем, да так, что парень чуть не заплакал.

– Опять? – строго спросила Нина у Вовочки.

– А что «опять»? Работать надо. Все уже в машине...

Дремов взглянул на часы и спохватился:

– Да, уже время. Помчались, Нина.

Нина побежала в свою комнату за шлемом, планшетом и перчатками и по пути наградила Вовочку легким подзатыльником. Тот было погнался за ней, но Дремов поймал его за руку.

– Куда? Опять ремня захотел?

– Так, дядя же Вася, – взмолился Вовочка, – она же первая!

Но Дремов не стал его слушать, сгреб, как мальчишку, и понес к машине.

Бывшие тут другие инструкторы засмеялись:

– Что, Дремыч, не успел еще зарегистрироваться с Ниной, и уже такое большое и капризное дитя!

– Не так капризное, как шкодливое, – ответил Василий. – Вот видали? – Он вынул из кармана Вовочки большую лягушку. – Наверняка бы у Нинки оказалась за шиворотом. – И, как младенца, подал Вовочку в кузов грузовика.

Подбежала Нина. Вовочка подвинулся, уступая ей место рядом с собой на доске, заменяющей скамейку.

– Садись, не бойся, меня уже обезвредили.

Через полчаса они были на аэродроме. Слабый ветер колыхал флажки, разметившие летное поле, лениво гнал облака серой пыли, вздымаемые непрерывно взлетающими и садящимися самолетами. В воздухе стоял несмолкаемый рокот моторов.

Журавлев сидел за столиком. Над ним трепетало легкое шелковое полотнище лучистого авиационного флага. Зеленая широкополая панاما с большой звездой и черные очки защищали его от слепящего солнца. Изредка он взмахивал флажком, и подчиненные, хорошо изучившие каждое его движение, выполняли, что нужно. Подошел командир звена младший лейтенант Ковалев, доложил:

– Мои почти все отлетали. Осталось слетать Дремову.

– Хорошо. Соколову и Васюткина отпустите, а Дремов пусть летит.

– У меня еще один вопрос: механик Иванов просится слетать с Дремовым. Я не против.

– Пусть слетает. Лишний раз прослушать работу мотора в воздухе ему полезно.

Нина решила ждать возвращения Дремова на аэродроме. Вовочке поручили съездить в город, купить билеты в кино на всю компанию, и он с радостью помчался переодеваться.

Нина хотела было полететь с Дремовым, но Ковалев сказал:

– Пожалейте вы Иванова! Он давно уже просится слетать. Скоро год, как в авиации, и ни разу не был в небе. А ты носишься каждый день.

И Нина не стала настаивать.

Иванов поспешно кинулся к парашюту, торопливо потянул его на себя и сразу же запутался в лямках. Очень смутился, но Нина успокоила его:

– Не торопись, дай я помогу.

Дремов порулил на старт. Тут немного задержался, поднял над головой руку, спрашивая разрешения на взлет. Стартер вытянул руку с флажком, и самолет устремился вперед, быстро набирая скорость. Вот он, слегка качнувшись, оторвался от земли, некоторое время стлался над самой ее поверхностью, потом хвост пыли оборвался, и самолет, сверкнув в солнечных лучах крыльями, пошел в высоту.

Нина следила за самолетом, пока он не растаял, потом пошла на «левый фланг», то есть к месту, где стоят бензинозаправочные, маслозаправочные и санитарные машины. Около сани-

тарного автомобиля она нашла свою приятельницу – врача Альбину Моисеевну. Та сидела над книгой и охала, то и дело хватаясь за голову.

– Альбина Моисеевна, опуститесь на землю из вашего мира грез и фантазий.

Та взглянула на Нину диковатым взглядом, поняла, где она, и начала извиняться:

– Простите! Я так увлеклась... А что у вас болит? – вдруг неожиданно спросила она. – Ах, ничего! Ждете Васю? Понятно. На сколько у него рассчитан маршрут? На полтора часа? На это время вы моя пленница. Садитесь и слушайте. Я буду читать вам вслух.

Нина села рядом, и Альбина Моисеевна начала читать откуда-то с середины «Собор Парижской Богоматери» Гюго. И время полетело незаметно.

Вдруг Нина опомнилась, взглянула на часы, вскочила.

– А? Что? – всполошилась Альбина Моисеевна. – Вася летит?

– В том-то и дело, что не летит, – озабоченно сказала Нина, – Время его вышло, а его нет. Пойду к руководителю полетов.

Журавлев беспокойно водил биноклем по горизонту. Рядом стоял Ковалев, нетерпеливо мял в руках шлем и говорил:

– Товарищ командир, может быть, вылететь по его маршруту? Если он где «сидит», так увидим...

– Нельзя. Через полчаса солнце сядет. А тут ночи такие, что...

– Но, может быть, он где-нибудь поблизости, – с тоской в голосе продолжал Ковалев.

– Лети! – сердито выкрикнул командир. И опять стал шарить биноклем по горизонту.

Ковалев бросился к самолету.

– Товарищ командир, – начала было Нина, но тот перебил ее:

– Лети! – и, кинув бинокль на грудь, скорым шагом двинулся за Соколовой. – Вместе полетим.

На ходу он приказал начальнику наряда разбить ночной старт, возле посадочной площадки зажечь костер, поставить машину с сильными фарами. Школа не готовила «ночников», поэтому ночное оборудование старта было примитивным.

Прямо с заправочной линии, нарушая правила движения по старту, пошел на взлет Ковалев, а еще через три минуты оторвался от земли самолет Журавлева, за спиной которого сидела Соколова. На затихшем аэродроме все замерло в тревожном ожидании.

4

Сначала все шло хорошо. Дремов спокойно посматривал по сторонам, изредка бросал взгляд на приборы; мотор работал ровно. Самолет дрожал мелкой дрожью и, плавно покачиваясь, уверенно нес над степью двух людей. Самолет был маленький, фюзеляж деревянный, крылья обтянуты перкалем. В расположенных друг за другом двух кабинах одинаковые рычаги управления. Такое устройство очень удобно для обучения курсантов летному делу. Само название самолета «Ут» (учебно-тренировочный) говорило о его назначении. Он очень послушен рулям, имеет достаточную маневренность и, по сравнению с любым бипланом, отличный обзор. Начинаящего пилота этот самолет приучает к чистоте и аккуратности маневров. Выражаясь авиационным языком, эта машина относится к разряду «строгих», то есть не прощает летчику грубых движений рулями. Короче говоря, она может сломаться на посадке, на взлете или сорваться в штопор в полете.

Для такого опытного летчика, как Дремов, «Ут» был игрушкой. Поставив самолет на курс, он повел его без всякого напряжения и спокойно стал любоваться просторами, открывающимися с высоты. Нос самолета с сияющим диском винта и подрагивающими от работы мотора капотами был направлен в сторону солнца, склоняющегося к горизонту. Небо с этой стороны пылало. Слева поднимались цепи далеких гор с зубчатыми причудливыми вершинами,

местами столь отвесными, что на них не держался снег. Дойдя до половины их высоты, белыми стадами толпились барашки пушистых облаков, бросая на подножья гор синие тени. Глубокими морщинами чернели в горах ущелья. Из них белыми нитями тянулись реки, местами посверкивая серебром. Перед горами зеленели массивы садов и полей, которые, превращаясь в зеленые островки, потом совсем растворялись в сером однообразии степи. Впереди и справа степь расстилалась без конца и края, на горизонте же золотились пески пустыни.

Маршрут пролегал под углом от линии гор. Таким образом, Дремов уходил все дальше и дальше в степь: в конце первого отрезка маршрута, представляющего собой замкнутый треугольник, он должен был выйти к развалинам старинной крепости Темир-Тепе, потом сделать резкий поворот влево и идти к линии гор. Тут еще один крутой поворот влево – и вдоль железной дороги обратно на аэродром.

До первой вершины «треугольника» Дремов дошел благополучно. Внизу перед носом самолета показалась Темир-Тепе. Чтобы лучше рассмотреть живописные развалины, Дремов снизил самолет, спикировав на центр крепости, из которого поднимался красивый, как игрушка, минарет. Сделав над крепостью круг на небольшой высоте, летчик разглядел на крепостной стене фигуру девушки в ярком одеянии. Она замахала над головой платком. Под стеной Дремов увидел пару лошадей и рядом человека в полосатом халате. Дремов помахал им рукой, покачал крыльями и легким движением рулей заставил самолет взмыть вверх, одновременно развернув его на юг, к горам. Набирая высоту, он увидел невдалеке от крепости еще несколько лошадей и рядом с ними группу сидящих на земле мужчин. Дремов успел заметить: все лица сидящих запрокинуты. За ним смотрели. Он и им покачал крыльями и, точнее встав на курс, повел самолет дальше. Но в это время и случилась неприятность...

Мотор вдруг «закашлял», «плюнул» черным длинным стустком дыма и перестал тянуть. Дремов мгновенно поставил самолет в угол планирования и быстрыми, четкими движениями проверил положение рычагов и тумблеров. В задней кабине одновременно заметался Иванов. Если в управлении самолетом он был профаном, то все, что касалось работы мотора, ему было понятно. Но из кабины мотору не поможешь. Нужно идти на вынужденную посадку.

Посадка в степи не представляла большой опасности. К тому же Дремов был хорошим пилотом. По колыханию колючек он определил направление ветра, развернулся против него, выключил зажигание, перекрыл бензиновый кран и без всяких происшествий искусно посадил самолет. Но в конце пробега самолет попал одним колесом в рытвину, и его слегка качнуло на нос и развернуло от прямолинейного пробега. Но этим все и кончилось.

Дремов расстегнул ремни и лямки парашюта и вылез на крыло, повернулся к Иванову. Тот сидел в кабине с опущенной головой и что-то бормотал себе под нос. Дремов тронул его за плечо:

– Вылезай, паря, приехали, – и, швырнув под крыло парашют, сел на него.

А Иванов долго еще возился в кабине.

– Ну, скоро ты там? – спросил Дремов.

– Иду, товарищ инструктор.

– Пока ты там копался, я успел, не сходя с места, найти причину остановки мотора. Вон погляди, тяга вылетела.

– Товарищ инструктор, я сейчас побегу, поищу ее. Мы запросто вставим иотрегулируем...

– «Вставим»! Вставил бы я тебе сейчас... На земле надо вставлять и регулировать. Будешь теперь искать иголку в сене. Видел людей с лошадьми возле крепости?

– Не видел, товарищ инструктор, – чуть не плача ответил Иванов.

– А тягу собрался искать. Хочешь в курсанты переходить, а осмотрительности ни на грош.

В какой стороне крепость?

Иванов задумался.

– Вот там, – он неуверенно махнул рукой.

– Ну никакого понятия! Вон, гляди, блестит на горизонте. Это верхушка минарета. Пройдешь километра два на небольшой подъем, а там перед тобой низинка откроется, сразу и увидишь. Всего-то, думаю, километров пять будет. Людей с лошадьми я там заметил. Экскурсия какая-нибудь. Объясни: так, мол, и так, авария, попроси лошадь и проводника да скачи на железнодорожную станцию. До нее отсюда километров сорок. Пешком и за сутки не доберешься... На станции дашь телеграмму... Ступай.

– Слушаюсь, товарищ инструктор!

– Постой, что это вид у тебя, будто плакать собрался? Не годится! А ну-ка садись, покурим.

Отошли от самолета, прилегли на тощей лужбине, закурили, помолчали. Потом Дремов сказал:

– Ну, теперь иди, Алеша, а то солнце совсем низко. Да как бы эти чудаки куда-нибудь не уехали. Лошаденка нам до крайности необходима.

Иванов бросил папиросу, затоптал и быстрым шагом пошел в указанном ему направлении. Дремов, проводив его взглядом, вернулся к самолету и лег под крыло на накалившуюся за день землю. Под ленивым дыханием знойного ветра тихонько позванивали сухие колючки. Не более как в трех метрах от Дремова по твердой потрескавшейся земле пробежала крупная ящерица, и тотчас из невидимой норки выскочил тарбаган и в любопытстве замер. Только быстро шевелились его маленькие подвижные ноздри да беспокойно постреливали блестящие бусинки глаз. Дремов, не вставая, вынул из кобуры пистолет, прицелился. Зверек доверчиво продолжал стоять, как китайский божок перед кумирней.

– Брысь, а то убью! – пригрозил ему Дремов.

Зверек юркнул в норку. Но спустя минуту появился снова, и не один, а с семейством. Зверьки, соблюдая такт, не приближались к Дремову, но и не уходили. Видимо, человек в этих местах был редким гостем.

Позабавившись безобидными зверьками, Дремов отвернулся от них, и тотчас на него нахлынули заботы. «Вот тебе и кино! Черт знает, сколько тут можно просидеть. Хорошо, если Иванов доберется сегодня до станции, тогда хоть утром пришлют сюда самолет, а если пешком... И Нина там волнуется».

Но что он мог сделать? Ждать – и больше ничего.

Убаюканный шелестом и позваниванием колючек, он незаметно для себя уснул...

5

Джамиле и ее двоюродный брат Уразум-бай были всегда в натянутых отношениях. Они по-разному смотрели на окружающую действительность. Джамиле, комсомолка, каждый успех страны встречала с радостью, каждую неудачу – с огорчением. Уразум-бай в положительное не верил, а при неудачах торжествовал. Сама внешность Уразум-бая казалась Джамиле отталкивающей. У него было круглое самодовольное бабье лицо, уголки губ всегда брезгливо опущены, глазки маслились, будто он постоянно был под хмельком.

Увидав скачущего к ней Уразум-бая, Джамиле пустила коня в карьер навстречу и, смеясь, проскакала мимо. Уразум-бай что-то крикнул ей, но она не расслышала и поскакала прямо к крепости, где стояла группа всадников.

Ляйляк-бай встретил внучку очень хмуро. Остальные переглядывались между собой и ждали его слова. Но заговорил первым высокий, чернявый русский. Он приветливо улыбнулся и сказал:

– Я тебя знаю, девочка. Ты дочь Джафара Султанова.

– Да, я дочь Джафара Султанова, – не без гордости ответила Джамиле. – Вас я тоже видела в городе, но не знаю, кто вы?

– Зовите меня просто Иваном Сергеевичем. Я приехал посмотреть на эти живописные развалины. Ваш дед и двоюродный брат оказались замечательными проводниками...

– А я... – И Джамиле начала рассказывать деду о своих приключениях.

Ее рассказ совпадал с предположениями, которые высказал перед тем Ляйляк-бай своим спутникам. Значит, беспокоиться нечего...

– Так ты говоришь, послезавтра совсем покидаешь наши края? – переспросил Иван Сергеевич. – Тогда советую просить деда, чтобы он показал тебе крепость. А я пока поговорю с остальными товарищами о наших делах. Приехал сюда ради любопытства и случайно встретился тут вот с ним. – Иван Сергеевич показал на одного из конников. – Он председатель колхоза, в который я давно собирался заехать. Вот мы и поговорим с ним сейчас. А вы с дедом идите осматривать крепость.

– А кроме всего, – заметил подъехавший вслед за Джамиле Уразум-бай, – мы будем пить араку.

Джамиле строго посмотрела на Уразум-бая и сказала:

– Тебе пора бы кончать пить араку и идти в военкомат. Нечего ждать, пока повестку пришлют с вызовом.

Уразум-бай при этих словах нахмурился, но сказал миролюбиво:

– Не все, Джамма, такие смелые, как твой отец. Я боюсь в первом же бою схватить пулю. Подожду, когда призовут.

Джамиле презрительно поджала губы и тронула коня к крепости.

Это было старинное сооружение. На плоском прямоугольном кургане со склонами, которым была искусственно придана крутизна, воздвигнута глинобитная стена с бойницами и с башнями по углам. За стенами раньше был целый городок, но к нынешнему времени почти ничего не сохранилось.

Джамиле в сопровождении Ляйляк-бая подъехала к мечети. Мечеть находилась в центре крепости, и время пощадило ее больше остальных построек. Века не сумели погасить краски, наложенные искусной рукой. Там, где они не были содраны насильно, сиял загадочный узор. Стены и двери были испещрены вязью непонятного письма. В синий шелк неба уходила стройная башня минарета, облицованного цветной глазурью. Его венчала ажурная беседка, на остроконечной крыше которой блестел полумесяц. Спешившись, Ляйляк-бай и Джамиле молча вошли внутрь. Полумрак рассекался несколькими солнечными лучами, падающими из узких, как бойницы, окон. Солнечные зайчики ложились на плиты пола, на мрамор гробницы. В углу был провал, и туда вели каменные ступени.

– Подземный ход, – пояснил Ляйляк-бай шепотом, словно боясь разогнать очарование, вызванное видом древности. – Раньше этот ход вел далеко отсюда и соединял крепость с рекой, теперь он во многих местах обрушен.

Осмотрели развалины еще нескольких строений.

– Вот в этом доме, – показал Ляйляк-бай, – по преданию, останавливался отважный воин, Джелаль эд Дин...

От дома сохранилась лишь высокая терраса. Колонны, изрезанные кружевным узором, подпирали потемневшие своды. Перед террасой был отделанный мрамором водоем, теперь сухой. Ляйляк-бай сел в задумчивости на камень, Джамиле опустилась рядом. Помолчали. Наконец старик заговорил:

– Скажи мне, внучка, могу ли я любить все то, что делается сейчас, могу ли я верить во все, как веришь ты, после того как лишний раз побываю хотя бы около такого памятника старины, какой перед нашими глазами? Здесь прошел свирепый Чингис-хан, здесь проходил Тамерлан, сюда врывались русские войска Скобелева. В Гражданскую войну здесь без воды и

хлеба шесть дней и шесть ночей защищался отряд изыл-аскеро́в, пока не пришел на помощь твой отец. Сколько горя и страданий видели эти стены! Сколько людских поколений они пережили! А погляди, как сияют старые краски! А что нового принесут люди твоего поколения? Серые, как коробки, дома да всякие самоходные железные арбы, от которых, кроме грохота и вони, нет никакого толка...

Джамиле, подумав, ответила вопросом на вопрос:

– А скажи, дедушка, почему была заброшена Темир-Тепе?

– Ушла вода, а без воды не может быть жизни...

– Тогда зачем все эти красивые постройки? Ушла вода, ушли люди. Солнце, ветер и время разрушили все, на что положили люди столько труда и сил, и все стало ненужным. Значит, в наших краях прежде всего надо думать о воде. А разве раньше об этом заботились, как теперь? Какому голодному, дедушка, нужны были эти красивые постройки? Их строили люди, закованные в цепи... Нет, когда я люблюсь такими вот постройками, то восхищаюсь не порядками, при которых они воздвигнуты, а мудростью и искусством народа, который в те древние и страшные времена сумел создать эти прекрасные памятники. Погодите, вот мы понастроим заводов и каналов, оросим поля и тогда создадим такие дворцы, каких еще на земле не было...

Ляйляк-бай слушал внучку с улыбкой.

– Завидую я тебе... Убежденности твоей завидую.

– Зачем завидовать? Ты посмотри вокруг, поезди по стране, поговори с людьми, и ты будешь убежден так же, как я.

– Смешная ты, Джамиле. Тебе все это кажется очень просто. А Ляйляк-бай две трети своей жизни прожил при старых порядках. И про меня нельзя сказать, что мне нечего было тогда терять.

Оба замолчали. Как ни молода была Джамиле, но почувствовала, что переубедить деда она не сможет. Вот если бы она почаще с ним так говорила, тогда бы... Кто знает? Но дед – ладно, он стар, а откуда берутся такие, как Уразум-бай?

– Что, недовольна своим дедом? – спросил Ляйляк-бай с улыбкой.

– Нет, я хоть и мало прожила на свете, но тебя, дедушка, хорошо понимаю. Но вот как некоторые наши молодые люди могут во всем сомневаться?

Старик понял намек.

– Ты говоришь об Уразум-бае?

Джамиле сердито отвернулась.

Солнце уже садилось, когда они молча сели на коней и выехали из крепости. Их спутники во главе с Иваном Сергеевичем сидели кружком в стороне от развалин. Деловой разговор у них, по всему видно, кончился. Шла выпивка. Ляйляк-бай взглянул в их сторону и отвернулся. Он никогда не брал в рот хмельного. Джамиле не вытерпела, высказала свое возмущение:

– Противные какие люди! Каждое событие для них повод для пьянки. Приехали полюбоваться памятником старины и устроили пьянку... Спросят друзья у Ивана Сергеевича: «Как Темир-Тепе?» И он скажет: «Хорошие развалины. Ох, и напились же мы там!»

Высказав свое отношение к Ивану Сергеевичу, Джамиле ожидала услышать ответ деда примерно в таком смысле: «Чего же ты возмущаешься – он же русский, да и современный к тому же, каких ты уважаешь». И она заранее обдумала ответ: «В семье не без урода». Но Ляйляк-бай ничего не сказал. Джамиле посмотрела на него с удивлением и, подав ему повод своего коня, проговорила раздумчиво:

– Влезу на стену, посмотрю в последний раз вокруг...

Ловко прыгая по обломкам, она скрылась в провале и через минуту была на высокой стене. Долго стояла она там, стараясь представить картины из жизни Темир-Тепе, когда здесь цвели сады, а между домами сновали люди, когда на пестром базаре стоял шум и гомон, а

в водоемах плескались ребятишки. Потом ее воображение начало рисовать картины нападения врагов на древнюю крепость, страшную рубку на ее стенах...

Она уже собралась спускаться со стены, когда ее внимание привлек звук приближавшегося самолета. Над крепостью, как раз над головой Джамиле, самолет качнул крыльями и, накренившись носом, круто и резко снизился.

Стали отчетливо видны все его детали: колеса, обутые в обтекатели и делающие самолет похожим на мохноногого голубя, алые звезды на крыльях, блестящие козырьки перед кабинами авиаторов. Самолет проплыл так низко, что Джамиле со стены наблюдала за ним не снизу, а сбоку и хорошо разглядела две головы в коричневых очкастых шлемах.

Сделав над крепостью круг, самолет еще раз качнул крыльями. Из передней кабины поднялась рука в черной перчатке и помахала Джамиле на прощанье, после чего самолет взмыл вверх и, быстро уменьшаясь в размерах, стал удаляться. А Джамиле долго еще крутила над головой косынкой...

Снизу ее позвали. Оглянувшись, она увидела, что все садятся на лошадей. При этом ей бросилось в глаза, что некоторые всадники были чем-то возбуждены и проявляли беспокойство. Особенно почему-то нервничал Уразум-бай. Когда Джамиле подходила к своей лошади, Уразум-бай говорил:

– Прилетел, улетел... Какого черта ему тут надо!

Иван Сергеевич выразительно посмотрел на Уразум-бая, и тот замолчал.

– Знаю я этих летчиков, – сказал Зудин. – Любители они похулиганить. Видали: только что носился над самой крепостью и не успел отлететь, как опять начал снижаться... Ну, двинемся понемножку.

Тронулись. Джамиле и Ляйляк-бай ехали позади, остальные, как бы случайно, немного от них оторвались и о чем-то вполголоса переговаривались. Вдруг Уразум-бай закричал:

– Смотрите! Нам навстречу идет человек.

– Поедем навстречу, – предложил Зудин.

Уразум-бай почему-то начал испуганно озираться.

Одинокий путник оказался молодым парнем в запыленном комбинезоне, с кожаным шлемом в руках. Светлые волосы его слиплись от пота, он тяжело дышал. По всему было видно, что путник очень торопился. Подойдя, он поздоровался и, устало улыбнувшись, заговорил, обращаясь к Зудину, в котором, видимо, признал русского.

– Товарищ... Простите, не знаю вашей фамилии... У нас отказал мотор, и мы сели на вынужденную. Летчик случайно, и к счастью, увидел вас, когда мы пролетали над этими развалинами, послал меня к вам за помощью. Пожалуйста, доставьте меня на станцию. Оттуда я смогу дать телеграмму о нашем местонахождении...

На лице Ивана Сергеевича мелькнула довольная ухмылка.

– Все понятно, – сказал он. – Сейчас я подробно объясню джигитам. Они люди обстоятельные и любят ясность во всем. Я надеюсь, они согласятся помочь вам, и мы сделаем для вас все, что нужно. А пока побеседуйте вот с этой девушкой, она хорошо знает русский язык...

Тем временем Ляйляк-бай отъехал в сторону и в одиночестве озирал степные просторы.

Механик Иванов направился к Джамиле и, разглядев ее, воскликнул с откровенным восхищением:

– Какая вы красивая, девушка!

Джамиле звонко рассмеялась.

– Неужели? Я черная-пречерная, худенькая-прехуденькая. А русские девушки белые. – И, прервав себя, спросила другим тоном: – Почему вы сказали, что вас послал летчик? А вы разве не летчик?

– Нет, – с грустью признался он, – я механик. Но я буду переучиваться на летчика, начальник мне обещал...

– Это хорошо.

– А вам нравятся летчики?

– Человек, который летает, – смелый человек, а девушки любят смелых.

– Вот вы какая... А где вы живете?

Джамиле ответила.

– Подумайте! – обрадовался механик. – Мы совсем рядом с городом и часто бываем там. Может быть, вы дадите адрес, и я смогу вас увидеть?

– А зачем? Впрочем, я зря спрашиваю: я уезжаю и вернусь в этот город не скоро. Может быть, только после войны...

– Жаль. А мне бы так хотелось встретиться с вами! Скажите хоть свое имя.

– Меня зовут Джамиле Султанова.

– А я Алексей Иванов.

В это время к ним подъехал Зудин.

– Друзья мои, – сказал он, – как ни жаль, но вашу беседу придется прервать. Солнце садится, а мы решили еще подъехать к самолету, сказать летчику, что все будет в порядке. Это почти по пути. Ты, Джамма, отдашь своего коня этому молодому человеку, а сама сядешь к деду за спину, и потихоньку поедете прямо домой. А наше дело теперь спешное, сама понимаешь...

Джамиле без всяких разговоров слезла с коня и передала поводья Иванову. Тот принялся благодарить ее и извиняться за неудобства, которые причинил ей.

– Ничего, ничего, – успокоила его Джамиле. – Не каждый же день у вас вынужденная посадка.

Иванов в последний раз посмотрел ей в лицо, и они простились. Группа всадников во главе с Ивановым поскакала в направлении, где приземлился так неудачно самолет, а Ляйляк-бай с Джамиле за спиной направился в другую сторону.

Если бы Джамиле в тот вечер знала, какое огромное значение имеет факт ее встречи с Ивановым, она бы, конечно, не согласилась с ним расстаться, да и запомнила бы многое, на что теперь не обратила внимания. Да и этого белобрысого парня не очень хорошо запомнила. Мысли ее все время были далеко. Она думала о войне, о судьбе отца, о своей будущей жизни на фронте. С этими мыслями она и проделала путь от Темир-Тепе к «Кызыл-Аскеру» без особых приключений, если не считать того, что почти в самом начале пути они увидели, как ночь разорвало мощное зарево за горизонтом. Степной пожар. Что там горело? Трудно сказать...

Следующий после поездки к Темир-Тепе день Джамиле провела в обществе Ивана Сергеевича. Вначале ей это не нравилось, так как хотелось поговорить со старым Ляйляк-баем, а тот почему-то был не расположен к разговорам и явно избегал оставаться наедине с внучкой. Джамиле даже обиделась: последний перед разлукой день в этом доме, а дед с ней и поговорить не хочет... А Иван Сергеевич был необычайно ласков и внимателен. Он оказался радушным человеком и приятнейшим собеседником.

Джамиле расспросила его о встрече с летчиком и о том, как ему помогли. Зудин сказал, что о потерпевших аварию авиаторах можно больше не беспокоиться. На аэродром дана телеграмма, кроме того, он, Зудин, попросил Уразум-бая, чтобы тот заехал в город и рассказал там кому следует более подробно о месте нахождения самолета. Сейчас, по всей вероятности, на место вынужденной посадки уже прибыли другие самолеты. Потом Иван Сергеевич стал рассказывать увлекательные истории, связанные с крепостью Темир-Тепе. Вечером он помог Джамиле сесть в поезд, пожелал ей счастливой встречи с отцом и, пока девушка могла его видеть, стоял на перроне и махал фуражкой.

Глава третья

1

Тот вечер запомнился молодым авиаторам во всех деталях. Еще бы – тяжелое летное происшествие! Все курсанты и раньше знали, что в авиации бывают неприятности, но раньше все это было как-то отвлеченно и не касалось хорошо знакомых людей, а тут Дремов и Иванов... Впоследствии было немало трагических случаев, но этот запомнился курсантам на всю жизнь своей таинственностью.

Начало вечера было веселым. Сменившись с наряда, в казарму примчался Санька. Он был посыльным при штабе, и его сразу же окружили товарищи.

– Нет ли чего новенького?

– Есть, братва. Отличные новости!

– А ну, выкладывай, да ври поменьше.

– Самая свежая утка! – Санька обвел всех загадочным взглядом.

– Да говори ты!

– Пены меньше!

– Сегодня инструкторы летают в последний раз. Завтра у них выходной, а потом будут заниматься только нами. Скоро будем летать! Поняли?

– Ура, качать Саньку!

Саньку швырнули к потолку. Перебирая в воздухе ногами и руками, Санька взмолился:

– Хватит! Уроните, черти!

Всех охватило буйное веселье. Шум поднялся невообразимый. Кто-то грохотал кулаком по тумбочке, кто-то выбивал дробь каблуками, кто-то хлопал в ладоши, и почти все изображали на губах духовой оркестр. В момент, когда шум достиг апогея, открылась дверь каптерки, и старшина, не выходя из нее, прорычал:

– Пр-р-рекратить!

Мгновенно стало тихо. Дневальный вытянулся, словно штык проглотил, все торопливо разошлись. Сережка, который дирижировал импровизированным «духовым оркестром», предупредил Валентина:

– Сейчас старшине попадаться нельзя: он еще не набрал полomoйную команду.

Они вышли в курилку. Санька уже умылся после наряда и беседовал с Борисом.

– Что значит «скоро будем летать»? – спросил у друзей Борис и, не ожидая ответа, добавил: – Я вам не завидую. У всех инструкторы как инструкторы, а у вас баба.

В ответ Сережка назвал Бориса дураком и еще добавил:

– Что ваш Лагутин? Я видел, как он помойные ведра таскает да картошку за жену чистит.

– Жены, наверно, дома не было...

– Стояла на пороге и на мужа покрикивала...

– Сережка! – строго оборвал его Валентин. – Я тебя не узнаю. Переворачивай пластинку.

– Могу и перевернуть. Только зло меня взяло: что он нашу Соколову поносит?!

– Вот и побеседовали, – заключил Санька. – Пойдемте в казарму. Старшина сто первое построение затевает, опоздаем – и опять в полomoйную команду.

Перед ужином вернулся с гауптвахты Валико. Друзья стали ему рассказывать новости, но он перебил:

– Все знаю – и что Соколова инструктор и что летать скоро... Жрать хочу до смерти. Сегодня начальник караула был такой вредный, что, кроме хлеба и воды, за весь день ничего не дал.

После ужина он повеселел, но ненадолго. Его куда-то вызвали, после чего он пришел опять расстроенный.

– Что такое, Валико?

– Произошло плохое дело. Меня назначили в поисковую команду. Пропал старший сержант Дремов.

– Как пропал?

– Полетел по маршруту и не вернулся. Хорошо, если в степи сел, а если в предгорьях – плохо... Сейчас едем в степь на автомашине.

Новость быстро облетела казарму. Старшина провел проверку и против обычного не стал делать никаких внушений. Вид у него был озабоченный. Даже команду «разойдись» он подал без обычного рыка и тотчас ушел в штаб.

В казарме стало тихо. Ни смеха, ни песен. Курсанты собирались кучками и вполголоса обсуждали случившееся. Вскоре после отбоя пришло несколько человек бывших в стартовом наряде на аэродроме. Все приподнялись на кроватях и выдохнули в один голос:

– Ну как?

Пришедшие рассказали: розыски пока безуспешны. Летали инструкторы, да разве найдешь что-нибудь ночью? Темь кромешная. Командир Журавлев с инструктором Соколовой летали вдоль всего маршрута, думали, может, пострадавшие костер разведут, но ничего не увидели. Соколова уж больно переживает. Она, говорят, невеста Дремова...

И потом долго еще переговаривались между собой курсанты в эту тревожную ночь.

А в штабе было еще беспокойней. Начальник школы полковник Крамаренко и комиссар Дятлов вызывали к себе всех, кто имел хоть какое-нибудь отношение к подготовке полета Дремова. Перебрали технические документы, расспрашивали мельчайшие подробности. Были взяты на анализ пробы горючего и смазочного – уж не оказалось ли тут подвоха? Подвоха не было. Строились тысячи догадок и предположений.

Нина не спала всю ночь и с рассветом снова была около штаба. Комиссар Дятлов, увидев ее, спросил:

– Ты никак лететь собралась? Куда уж, сразу видно, что не спала всю ночь...

– А разве я могла спать?

Комиссар отвел взгляд и сказал с тоской в голосе:

– Ладно уж, полетим вместе...

На поиски вылетели несколько машин. Все шли по маршруту Дремова.

Вся первая половина дня прошла безрезультатно. Над степью бушевала пыльная буря, и поверхность земли была скрыта серой пеленой. Увидать что-нибудь можно было только под самым самолетом. Во второй половине дня ветер стих, и один из летчиков заметил чуть южнее Темир-Тепе большое темное пятно в виде эллипса – след свежего степного пожара. Нина тотчас осмотрела это место с самолета. Толкаемая страшным предчувствием, она летела так низко, что ветер от винта поднял и закрутил пепел от сгоревших колючек. Предчувствие не обмануло: в центре пожарища она разглядела обгоревшие скрюченные и полурасплавленные остатки самолета... Не раздумывая, она приземлилась и подрулила к страшному месту.

Все дальнейшее было как в кошмаре.

Деревянные части самолета Дремова сгорели начисто, бензиновые баки, видимо, взорвались и разбросали металлические части на несколько десятков метров вокруг. На месте остался только полурасплавленный мотор. Неподалеку Нина обнаружила обгоревшие трупы Дремова и механика. Они лежали рядом с искореженными сиденьями. Тут же валялся разбитый взорвавшимися патронами пистолет Дремова...

2

Начались тяжелые дни. На месте происшествия работала специальная комиссия, на долю которой выпала трудная задача расследования причин и обстоятельств гибели самолета и экипажа. Был выполнен печальный обряд похорон погибших.

В жизни Нины гибель Дремова была первой безвозвратной утратой, и она переживала так, что все начали опасаться за состояние ее здоровья. Вот уже несколько дней Нина почти ничего не ела, почти не спала и ни с кем не говорила. Осунувшаяся, почерневшая, с провалившимися глазами, она ходила сама не своя, не находя места.

Возвращаясь из штаба около двух часов ночи, комиссар Дятлов невольно обратил внимание на освещенное окно комнаты Нины и, покачав головой, приостановился. «Неладное творится с девушкой», – подумал он и решил зайти к Нине. Поднявшись на второй этаж, перевел дух. Ах, годы, годы! За плечами Гражданская война, события на КВЖД, Халхин-Гол, война с белофиннами, несколько ранений... Все данные для отставки. Но о его недугах знали только врачи. Для окружающих он был бодрым, жизнерадостным человеком.

Постояв на темной лестничной площадке и подержавшись за сердце, он толкнул дверь в переднюю и постучал к Соколовой. Та открыла тотчас и, увидев военкома, кивком головы пригласила его входить. Дятлов повесил фуражку и опустился на предложенный стул. Нина села напротив, на кровать. Лицо ее было безжизненно. Дятлов обвел взглядом скромную обстановку комнаты. У стены – кровать; стол едва втиснут между кроватью и стеной. Над кроватью – коврик, по нему развешаны атрибуты снаряжения летчика: шлем, планшет и другие предметы. На столе – чернильница-непроливайка и в рамке, окантованной черной лентой, портрет Дремова; на стене перед столиком – групповая фотография семьи Нины, в углу – этажерка с книгами. Вот и все.

Дятлов перевел взгляд на Нину.

– Может быть, тебе съездить к родителям, в Сибирь? – спросил он.

– А кто же с курсантами?

– Но ведь ты... – начал комиссар и запнулся. – У тебя такой вид...

– Не нужно об этом, товарищ бригадный комиссар. Скажите лучше, каковы выводы комиссии по катастрофе?

– Могу рассказать. Комиссия пришла к заключению, что примерно через сорок пять минут после начала полета выпала одна из тяг, газораспределение нарушилось, мотор заглох, и Дремов пошел на вынужденную. Тут он допустил ошибку, не выключив зажигание и не перекрыв бензокран. На пробеге самолет попал колесом в рытвину, скапотировал, и произошел взрыв...

– Остальное я доскажу сама, товарищ бригадный комиссар, – прервала его Нина. – Виновник катастрофы – летчик-инструктор старший сержант Дремов. Он нарушил наставление, которое гласит: «Летчик, идя на вынужденную посадку, обязан перекрыть бензокран, выключить зажигание, по возможности определить направление ветра и, если позволяет высота, развернуться против него». Таково заключение комиссии? Я уже слыхала, как старшина Лагутин «звонит» среди летного состава о найденном в обломках переключателе магнето, который включен на «1+2». И уже многие судят покойного... Что же вы молчите? Или не хотите в моем присутствии присоединиться к этому хору? А я... – она наклонилась к Дятлову и последние слова сказала почти шепотом и с какой-то полубезумной улыбкой: – ...а я не верю комиссии. Не верю! – выкрикнула она. – Не такой был Дремов, чтобы... Мы с ним пришли к вам из одного аэроклуба. Он – мой учитель. Мне довелось однажды вместе с ним падать на вынужденную. Видите – коронка? Это памятка о том случае. Сопки и тайга. А здесь степь как скатерть... Я слишком хорошо знаю Дремова, чтобы поверить в его оплошность.

Нина уловила признак смятения в глазах комиссара и добавила:

– Не беспокойтесь: я в здравом рассудке. Впрочем, может быть, это и безумие, но я убеждена, что Дремов не допустил оплошности и в его смерти виновна какая-то внешняя сила. Доказать это я пока не могу, но убеждена, что это так, и буду надеяться, что придет время...

Дятлов слушал ее молча. Обстоятельства катастрофы, тщательно изученные комиссией, казались настолько ясными, что все, в том числе и он, легко уверовали в них. Ведь подобные случаи неудачных приземлений в авиации не новость. А теперь Нина снимает вину с Дремова и перекладывает на неизвестного. Не есть ли это плод ее душевных переживаний? Скорее всего, что так. Сказать ей об этом? А зачем? Может быть, эта мысль, рожденная в бессонные ночи, принесет ей облегчение?.. А может быть, тут и в самом деле замешаны какие-то внешние силы? Есть над чем подумать...

Комиссар встал, прошелся по комнате и, окончательно решив не разубеждать Нину, сказал:

– Твое убеждение так сильно, что, я чувствую, передалось и мне. Мне даже начинает казаться, что такие сомнения были у меня и раньше. Да, да, так и было. Сомнение появилось сразу же, как только я подробно изучил бумаги покойного. Это был очень опытный летчик. Но, Нина, всякое предположение можно высказать официально только при наличии хоть каких-нибудь обоснований. Одной веры в опыт Дремова мало.

Дятлов взглянул на часы. Половина третьего.

– Ну, я пойду, Нина. Обещай мне, что будешь держать себя в руках. Видишь, я даже не утешаю тебя...

– Обещаю, товарищ бригадный комиссар. Я буду работать...

Уже в дверях Дятлов сказал:

– А к Темир-Тепе мы еще слетаем с тобой. Так, неофициально. Ясно?

– Ясно, товарищ бригадный комиссар. Благодарю вас за искреннее участие в моем горе.

В ближайший летный день Дятлов нашел удобный момент для выполнения своего обещания. Он убедил начальника училища, что ему необходимо побывать в воздухе, чтобы получить реальное представление о летном деле. О своем желании научиться летать он пока молчал, чтобы не подняли старика на смех.

Найдя злополучное место катастрофы, Нина посадила самолет и вместе с комиссаром стала тщательно исследовать все вокруг. Ходили долго, но нового ничего не обнаружили. До них здесь побывало много людей, приземлялись несколько самолетов, приезжали грузовики. Большую часть обломков погибшего самолета уже увезли, и только немногие мелкие детали тускло поблескивали в пыли. Часто свирепствующие тут пыльные бури многое уже похоронили, и степь упорно хранила тайну гибели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.